

eISSN 2311-2468
Том 11, № 8. 2023
Vol. 11, no. 8. 2023

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн

Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

БАТЯЕВ Р. А.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

Аннотация. В статье исследуются представления, механизмы и каналы реализации, используемые для осуществления исторической политики в Мордовии. Анализируются тенденции развития, схожие с другими регионами и уникальные для республики. Выделяются способы включения исторической памяти региона в общероссийскую модель политики памяти.

Ключевые слова: историческая политика, символическая политика, политика памяти, идентичность, регионоведение.

BATYAEV R. A.

**HISTORICAL MEMORY IN THE REGIONAL POLICY
OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA**

Abstract. The article studies the ideas, mechanisms and channels for action used for implementation of historical policy in Mordovia. The author analyses the development trends typical of other regions and unique for the Republic. The study highlights the ways of including historical memory of the region into the federal model of memory policy.

Keywords: historical politics, symbolic politics, memory policy, identity, area studies.

Историческая политика – это целенаправленная работа с историей общественного института, в том числе государства или иного территориального объединения, для формирования или укрепления собственной идентичности.

Историческая политика как самостоятельная сфера академических исследований является относительно новым явлением в развитии политической науки. Появившись как реакция части академического сообщества ФРГ на политику коллективной вины в конце 1980-х годов, позднее она актуализируется в академической и политической среде Западной, Восточной Европы и других регионов.

В российском академическом сообществе внимание к данной теме приходит спустя определённый промежуток времени. В 2010-е годы появляется ряд русскоязычных авторов, фокусирующих собственное внимание на вопросах исторической политики.

А. И. Миллер, являющийся одним из важнейших авторов на постсоветском пространстве по этой теме, анализирует методологию исторической политики и вводит ключевые понятия и подходы в русскоязычное академическое пространство [3].

О. Ю. Малинова вводит в научный дискурс понятие «символическая политика»,

включающее в себя не только историческую политику, но и ряд визуальных, текстовых и иных элементов, служащих обеспечению нациостроительства [1].

По вопросу исторической политики в контексте региональной практики стоит отметить совместную статью О. Ю. Малиновой, А. И. Миллера и К. А. Пахалюка «Региональный аспект политики памяти в России» [2], в которой выделяются возможные акторы и формы мероприятий для трансляции исторических образов, а также способы взаимодействия региональной и федеральной власти по данному вопросу.

Что касается специфики Республики Мордовия, на сегодняшний день в академической среде не представлено работ именно по данной тематике в регионе. Несмотря на это, исследуются темы, смежные с ней. В частности, стоит выделить работы И. Г. Напалковой, исследующие механизмы формирования имиджа региона [4].

Стоит сказать об определённой заинтересованности в разработке темы исторической политики со стороны образовательного сообщества. В 2020-е годы создаются направления подготовки, затрагивающие данную сферу политической жизни. В Московском государственном университете организуется специализация «Историческая политика». В Европейском университете Санкт-Петербурга создаётся программа «Публичная история: актуальное прошлое в культурной памяти и символической политике памяти». Аналогично в РГГУ создаётся магистерская программа «Политика памяти: Холокост и геноциды».

Учитывая тот факт, что в российском академическом сообществе историческая политика является довольно новой областью исследований, можно выделить большое количество тем, не рассматриваемых прежде в академической среде. Одной из подобных тем является историческая память регионов.

Несмотря на то, что некоторые регионы в отдельности рассматривались в рамках отечественных и зарубежных исследований, значительное число субъектов РФ, в том числе и национальных республик как регионов с определённым национальным колоритом и историей малых народов, остаются вне поля зрения. Одной из таких национальных республик РФ посвящено данное исследование.

Республика Мордовия возникает как автономная республика в составе РСФСР в 1934 году, трансформируясь из Мордовского округа и Мордовской автономной области в 1928 и 1930 годах. Мордва изначально уступала по численности в регионе, но, учитывая компактное население народа и политику советского государства, направленную на развитие малых народов, в т.ч. путем политической автономизации, подобное решение не рассматривалось как уникальный.

Первым шагом в исторической политике в период существования Мордовской АССР являлось празднование объединения мордовского и русского народа в 1985 году. Событие

позиционировалось как 500-летний юбилей, что крайне важно зафиксировать для дальнейшего рассмотрения. Годом позже открывается монумент «Навеки с Россией», символизирующий многовековую дружбу народов на мордовской земле.

В период ослабления централизованной власти, краха советской идеологии повсеместно активизировались национальные идентичности. Мордовия не стала исключением.

В 1991 году создается поэма «Тюштя», рассказывающая о легендарном мокшанском царе, ведущим родословную от бога грома и войны Атямшкая. На рубеже 1980-х и 1990-х актуализируется героическое сказание «Сияжар», также подающееся как сохранившееся в устной форме народное творчество. Повествование посвящено борьбе с татаро-монгольским игом. В определённой степени книга выстраивает образ татар как Другого в период распада Советского Союза и обострения межнациональных противоречий. В ином качестве, как символ народно-освободительного движения, образ Сияжара остаётся актуальным и позднее. В честь мордовского богатыря назван один из мордовских добровольческих отрядов в СВО в 2022 году.

В 1994 году местный фольклор обогащается эпосом «Масторава», написанным Александром Шароновым. Произведение позиционируется как сборник поэм, базирующихся на фольклорных преданиях. Представлена космогония мордовского народа, указана его важность в историческом развитии мира.

– Эрзянин мне нравится всех больше.

Эрзе быть на Масторе вначале.

Сделаю сперва язык эрзянский

И эрзянский заведу обычай.

Эрзя пусть владыкой мира станет [6, с. 20].

Сделав человека, дал Создатель

Имя ему ласковое – Эрзя

И сказал:

– Велю я: будь ты, Эрзя,

На земле хозяин самый лучший <...>,

И смотри на всё эрзянским глазом,

И живи всегда умом эрзянским [6, с. 23].

Данное произведение, как и сказание «Сияжар», можно рассматривать как инструмент выстраивания эрзянской идентичности, причём в данном произведении Другим являются не только татары, но и русские, татары и чувашаи.

С завершением региональных центробежных тенденций на федеральном уровне

руководство Мордовии участвует в построении гармоничной с общероссийской исторической политики. Руководство республики использует крупные политические институты для продвижения собственных героев и включает ряд исторических персонажей в нарративы общенационального значения.

Одной из подобных фигур становится флотоводец Фёдор Ушаков. При содействии руководства Республики Мордовия адмирал признается святым, сначала почитаемым в Саранской епархии (2000 год), а спустя четыре года – почитаемым повсеместно.

Важно отметить, что на церемонии, дарующей флотоводцу Ф. Ушакову статус местно-почитаемого святого были задействованы представители различных политических институтов. Со стороны политической власти, помимо Главы Мордовии, участвовал губернатор Ульяновской области. Со стороны РПЦ присутствовали архиепископы, епископы и будущий Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, занимавший на тот момент одну из ключевых должностей в данной структуре. Помимо руководства региона и значимых фигур церкви, в мероприятии участвовали представители военного руководства: начальник штаба ВМФ России, командующие Балтийским и Черноморским флотом, зам. командующего Северным флотом, экс-глава ВМФ СССР, командующий военно-морскими силами Украины и директор Федерального ядерного центра.

Учитывая состав почётных гостей данного мероприятия, с высокой долей вероятности можно предположить, что, помимо церкви, фигуру Ф. Ушакова как чтимого святого руководство региона продвигало при помощи вооруженных сил. В 2006 году при активном содействии жителей региона в центре Саранска открыт Собор праведного воина Федора Ушакова, окончательно закрепивший статус адмирала как небесного покровителя региона.

Продолжая говорить о религиозных институтах как о проводниках исторической памяти, необходимо отметить возведение памятника патриарху Никону в центре Саранска. Несмотря на то, что фигура патриарха является довольно неоднозначной для истории церкви, отмечается его участие в просветительской деятельности на территории региона. В то же время ряд историков говорит об этнической принадлежности Никона к мордве.

Говоря об избирательности исторической политики, стоит отметить, что главный оппонент Никона протопоп Аввакум с высокой долей вероятности принадлежал той же этнической группе, но при отсутствии политической целесообразности его фигура не используется в соответствующих практиках.

Доказательством того, что церковь является важным институтом выстраивания исторической памяти и имиджа региона, является учреждение паломническо-туристического кластера «Арзамас – Дивеево – Саров», в который по инициативе руководства Мордовии включен маршрут «Саранск – Темников – Санаксарь». Вовлечение Санаксарского монастыря,

связанного со святым Ф. Ушаковым, в подобный проект может способствовать развитию туристического имиджа как старейшего города республики, так и Мордовии в целом.

Важным элементом в политике исторической памяти региона становится «1000-летие единения мордовского народа с народами Российского государства», учрежденное указом Президента РФ и отмечавшееся в 2012 году. Тогдашний Глава Республики Мордовия Н. И. Меркушкин, говоря о важности события, отметил, что 1000-летие символично совпадает с 400-летием окончания Смуты, тем самым вписывая историю региона в общенациональный контекст [5]. Празднование данного события было закреплено в топонимике при создании в крупнейших городах (Саранске и Рузаевке) «Площади Тысячелетия». При этом 1000-летний юбилей, празднуемый через 27 лет после 500-летия, вызывает определённое недопонимание как в историческом сообществе, так и за его пределами.

Саранск стал первым городом, установившим памятник Емельяну Пугачёву. Также историки-краеведы хранят память о местах пребывания яицкого казака в Саранске. Можно сказать о включении данной фигуры в общенациональный контекст, так как подчёркивается совместное участие мордвы, татар, чувашей, русских и других народов в крестьянском восстании под его предводительством.

В академической среде важной с точки зрения региональной памяти в общенациональном контексте является фигура Михаила Бахтина. На рубеже 1980-1990-х годов фигура мыслителя актуализируется в среде философов и культурологов. В 1989 году в Саранске проходят первые Бахтинские чтения, неоднократно проводимые и в дальнейшем. В 1991 году научная библиотека нарекается его именем.

В 2015 году открыт памятник литературоведу и Центр М. М. Бахтина. В контексте общероссийской истории фигура Михаила Бахтина связана не только с вкладом в международное культурологическое знание, но и с репрессиями 1930-х годов, т.к. учёный стал преподавателем в Саранске в результате подобной «ссылки».

В Мордовии, как и в остальных регионах Российской Федерации, одним из ключевых элементов исторической памяти является память о Великой Отечественной войне. В элементах скульптуры, топонимике и литературного творчества местных писателей данное событие закреплено со времен Советского Союза.

Одной из наиболее важных фигур в памяти о войне является летчик Михаил Девятаев, попавший в фашистский плен и сумевший угнать самолёт вернуться на Родину. В 1975 году в доме летчика в посёлке Торбеево был учрежден музей. Уже в 2021 году на его малой родине при содействии РВИО был открыт памятник герою. В этом же году выходит фильм «Девятаев», собравший в кинотеатрах около 1,2 миллиона зрителей. Власти республики оценили картину в довольно позитивном ключе, приняв участие в премьерном

благотворительном показе в столице Мордовии.

Включение региона в историческую память о Великой Отечественной войне происходит не только с упоминанием подвигов местных солдат и офицеров. В ноябре 2021 года в Большеберезниковском районе была проведена реконструкция строительства Сурского рубежа – укрепления времен Второй мировой войны, которое должно было сдерживать врага в Поволжье в случае неудачи битвы под Москвой. Строительство проходило в том числе на территории Мордовии.

Также можно отметить значительное внимание Великой Отечественной войны и военной тематики в градостроительной политике в регионе в целом. В Рузаевке в 2010-е годы открыты Аллея Славы с памятниками героев Советского Союза и России, Музей военной техники и памятник Черный тюльпан, напоминающий о войне в Афганистане.

При этом с определённой долей уверенности можно сказать, что в последние годы создаётся и новая мифология. Предметом истории с коммеморативными практиками становятся трагические и радостные события недавнего прошлого. В частности, стоит отметить трагические события в Беслане 2004 года, память о котором разделяет и Мордовия. В 2022 году в республике проведена акция «Сердце Беслана», демонстрирующая сопереживание граждан республики родственникам погибших.

Позитивным элементом формирующейся на глазах исторической памяти становится Чемпионат мира по футболу 2018 года. Событие, проходившее и на территории республики, регулярно упоминается руководством региона, местными СМИ, управленцами разного уровня как пример не только грандиозного события мирового масштаба, в который была вовлечена Мордовия, но и как пример продуктивной работы региональной и федеральной власти в организации столь важного события.

Историческая память на сегодняшний день является малоисследованным феноменом. Далеко не всегда герой или событие, которые упоминаются во время очередного юбилея или памятной даты, связываются напрямую с какими-либо историческими уроками. Однако постепенное привлечение подобной тематики сначала в академический, а затем и в государственно-политический дискурс может изменить подобную ситуацию. Проведенный анализ показывает, что политика памяти с каждым годом играет все более значимую роль в региональной политике Республики Мордовия. Схожие процессы идут и в других субъектах Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия,

2015. – 207 с.

2. Малинова О. Ю., Миллер А. И., Пахалюк К. А. Региональный аспект политики памяти в России // НП/НР. – 2022. – № 2. – С. 112–136.
3. Миллер А. И. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. – М.-СПб.: Нестор-История, 2018. – 224 с.
4. Напалкова И. Г., Курочкина К. В. Исторический и современный персоно-образ как элемент символического этнонационального капитала Республики Мордовия (2014-2019 гг.) // Финно-угорский мир. – 2020. – № 1. – С. 42–61.
5. Николай Меркушкин: «Надо гордиться своей национальностью!» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://113rus.ru/news/17219> (дата обращения 11.04.2023).
6. Шаронов А. М. Масторава. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. – 496 с.

СОЛОВЬЁВА А. И., ОТРЕЗОВА Н. А.
МЕХАНИЗМЫ СТАБИЛИЗАЦИИ БЮДЖЕТНОЙ ПОЛИТИКИ
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ В 2013–2023 ГГ.

Аннотация. Статья посвящена анализу бюджетно-налоговой системы Республики Мордовия в период ее острого кризиса. Авторы исследуют количественные отличия бюджетной политики региона в 2010-е и начале 2020-х годов. В заключении предложены пути модернизации бюджетной системы Мордовии.

Ключевые слова: бюджетная политика регионов, стабилизация бюджетной политики, финансирование регионов, бюджетно-налоговый федерализм.

SOLOVYOVA A. I., OTREZOVA N. A.
MECHANISMS FOR STABILIZING BUDGET POLICY OF
THE REPUBLIC OF MORDOVIA IN 2013–2023

Abstract. The article is devoted to the analysis of the budgetary and tax system of the Republic of Mordovia during its acute crisis. The authors examine the quantitative differences in the budgetary policy of the region in the 2010s and early 2020s. In conclusion, some ways to modernize the budget system of Mordovia are proposed.

Keywords: budgetary policy of regions, stabilization of budgetary policy, financing of regions, fiscal federalism.

Политическая и экономическая сферы России постоянно развиваются, поэтому бюджетно-налоговая система периодически подвергается реформированию и модернизации. Именно от бюджетов федерации, регионов и муниципалитетов зависит процветание и мощь государства. Правильно разработанный бюджет обеспечивает функционирование страны, реализацию стратегически важных проектов. В современном мире наша страна подвергается угрозам: пандемия, международные конфликты, санкции со стороны государств Запада. Всё это негативно сказывается на экономике России, усугубляет положение регионов и провоцирует финансовый кризис. Чтобы нивелировать все риски и выстоять в тяжелое время, необходимо налаживать механизм финансирования и совершенствовать всю налоговую систему страны в целом. Проблемы бюджетно-налоговой системы Российской Федерации сегодня обострились как никогда. Изучение данной проблематики поможет выявить слабые и сильные стороны существующей бюджетной системы, сравнить возможные альтернативы и выработать необходимые решения по стабилизации бюджетов всех уровней.

В отечественной науке вопрос механизма финансового взаимодействия центра и регионов в России в целом изучен достаточно подробно. История бюджетно-налоговых

отношений в РФ отражена в трудах С. С. Артемьевой. В своих статьях «Совершенствование системы межбюджетных отношений в современных условиях» [1] и «Реформирование межбюджетных отношений в регионе» [2] она отразила то, как менялась бюджетная система в России в период 2000-х годов.

С. М. Макейкина написала несколько статей на тему бюджетно-налоговой системы в России. Ключевыми из них стали работы «Современные проблемы обеспечения сбалансированности местных бюджетов» [3] и «Современные тенденции оказания финансовой помощи нижестоящим бюджетам в РМ» [4]. В этих трудах отражены проблемы дисбаланса бюджетов, налоговой перегруженности регионов и кризиса региональных бюджетов. Статья о финансовой помощи Республики Мордовия легла в основу поиска путей стабилизации экономики региона в данной работе.

В исследовании С. В. Перфильева и В. И. Терехина [8] было проанализировано территориальное неравенство и несбалансированность региональных бюджетов. Исследуемая ими проблематика стала основной в данной работе, так как именно проблема дотационных регионов и регионов-доноров стоит сегодня особенно остро, ведь преобладание первых весьма значительно.

В. Б. Христенко [10] в своей статье поднимает вопрос бюджетного федерализма и его функционирования на территории РФ. В. И. Суслов [9] также изучает бюджетную систему РФ и рассматривает проблемы совершенствования межбюджетных отношений.

Сегодня в условиях дисбаланса региональных бюджетов, снижения бюджетной устойчивости, нарастания рисков появляется необходимость реформирования системы региональных бюджетов, чтобы она выстояла под давлением угроз национальной экономике. Именно граждане являются налогоплательщиками и потребителями государственных услуг, поэтому им необходима уверенность качественного применения их средств, передаваемых в бюджеты. Исходя из этого, необходимо исследование результативности параметров бюджетов регионов.

Объектом исследования в рамках данной статьи выступает бюджетно-налоговая система Республики Мордовия – субъекта Российской Федерации, входящего в состав Приволжского федерального округа. Выбор данного региона в значительной степени определяется тем, что он в наиболее явной форме столкнулся с трудностями бюджетного развития, так и или иначе свойственными многим другим территориям нашей страны.

Прибыль регионального бюджета Мордовии формируется из налоговых поступлений, неналоговых ресурсов и безвозмездных отчислений. Всё это как раз и обеспечивает покрытие региональных расходов. Исследовав доходы бюджета, можно выявить тенденцию стабильного снижения безвозмездных отчислений, тенденцию роста налоговых доходов, что

является примером увеличения доходного потенциала региона. На рисунке 1 видно, что неналоговые поступления занимают небольшой процент в доходе бюджета Республики Мордовия.

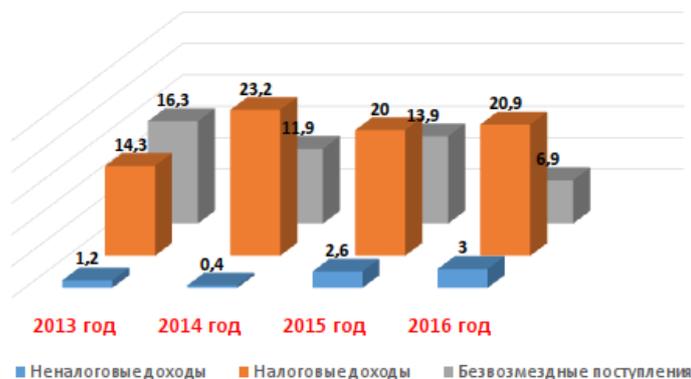

Рис. 1. Динамика доходов Республики Мордовия за период 2013–2016 гг.

Доходы регионов РФ в основном формируются регулируемыми федеральными налогами, поэтому нормативы отчислений являются важнейшим параметром в бюджетной системе территорий [7].

На рисунке 2 видно, что самую объемную часть налоговых доходов бюджета Республики Мордовия составляют налоги на прибыль и доходы, налоги на товары. Это говорит о том, что основными источниками дохода являются НДФЛ, акцизные налоги и налоги на прибыль организаций.

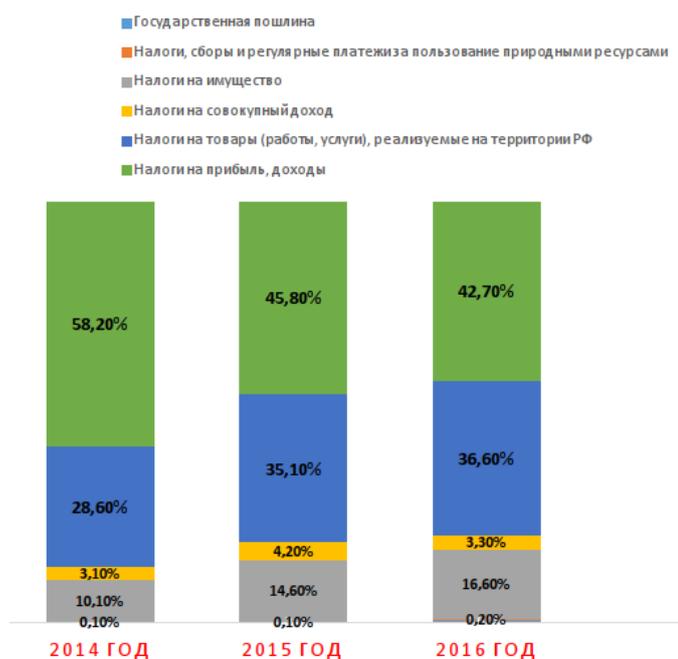

Рис. 2. Структура налоговых доходов бюджета Республики Мордовия за период 2014–2016 гг.

Доходная часть бюджета определяет расходную часть. Это иллюстрирует таблица расходов Республики Мордовия [4, с. 235].

Таблица 1

Состав расходов бюджета Республики Мордовия в 2014-2016 гг. (млн. руб.)

Расходы в млн. руб.	2014	2015	2016
Общегосударственные мероприятия	2 416	1 980	2 486
Национальная оборона	21	22	22
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	225	251	210
Национальная экономика	9 691	10817	5 931
ЖКХ	1 207	1 292	830
Охрана окружающей среды	17	25	12
Образование	8 278	8 647	7 023
Культура, кинематография	1 093	1 547	636
Здравоохранение	4 942	5 717	5 268
Социальная политика	5 988	6 085	5 869
Физическая культура и спорт	2 458	2 415	808
Средства массовой информации	167	178	177
Обслуживание государственного и муниципального долга	1 013	1 435	1 870
Межбюджетные трансферты	2 821	2 595	2 085

В рассматриваемый промежуток времени бюджетная политика Республики Мордовия сосредоточена на социальной и экономической сферах. Важнейшим направлением стала социальная политика региона. Исходя из состава расходов республиканского бюджета, мы делаем вывод, что самыми объемными являются расходы на образование, социальную политику, здравоохранение. Большая часть бюджета уходит на поддержание национальной экономики. Это происходит из-за реализации стратегических приоритетов экономического развития. В 2016 году резко падают траты на национальную экономику, охрану окружающей среды, культуру, физическую культуру и спорт.

Рис. 3. Соотношение доходов и расходов бюджета Республики Мордовия за период 2014–2016 гг.

Изучая соотношение частей бюджета Республики Мордовия в 2014-2016 гг. (рис. 3), мы видим, что расходы превышают доходы. Если рассматривать разницу в цифровом значении, то она составляет около 4 млрд. рублей. Данная статистика говорит не только о дефиците бюджета, но и о его дисбалансе. Имеющиеся источники доходов не покрывают расходы, это приводит к бюджетному кризису в Республике. Из-за дефицита бюджета Мордовии выросли долговые обязательства перед федеральным бюджетом, что стало основной проблемой региона.

В 2014 году государственный долг Республики Мордовия составлял примерно 28,5 млрд. руб., в 2015 году – 39 млрд. руб., в 2016 году – 41,3 млрд. руб. В 2018 году госдолг Мордовии составил уже 55,9 млрд. руб. (из них долг по кредитам Минфина – 30 млрд. руб.), коммерческий долг (банковские кредиты и облигационные займы) – 24,2 млрд. руб. Затем долг начал снижаться: в 2019 году – до 51,9 млрд. руб., а в 2022 году он уже составляет 49 803 427,6 тыс. руб., из которых 43,6 млрд. руб. – бюджетный кредит и 6,1 млрд. руб. – кредит кредитных организаций [5].

Проанализировав статистику, мы видим, что с 2014 года по 2018 год государственный долг увеличился почти в 2 раза. Резкий рост займов в 2014 году обусловлен несколькими факторами, основным из которых является Чемпионат мира по футболу, который проходил в том числе и в Мордовии. Для подготовки республики к Чемпионату были вложены большие финансы, поэтому 2018 год является пиком государственного долга Мордовии. Также видна тенденция сокращения долга, взятого у кредитных организаций. Эти организации дают займ только под процент, поэтому во избежание роста кредита республика покрывает сначала кредит кредитных организаций.

После отставки В. Д. Волкова и прихода нового Главы региона А. А. Здунова в Республике Мордовия прошла комплексная финансовая проверка по соблюдению Бюджетного Кодекса РФ. В ходе проверки аудиторы Счетной палаты высказали мнение, что регион не справляется с погашением госдолга. Они отметили, что общий объем региональных долгов в 2017–2019 годах сокращается, в то время как в Республике Мордовия он увеличивается. К тому моменту госдолг увеличился на 27% и к началу 2020 года превысил годовой бюджет. О критичной долговой нагрузке говорит и то, что в том же году Мордовия едва не подверглась дефолту по облигационному займу на 5 млрд рублей, выпущенному ею в 2016 году.

Мы видим, что в до 2017 года долг рос постепенно, затем в 2018 был резкий скачок расходов и долга Республики. С 2019 года долг медленными темпами снижается и с 2018 по 2022 год он уменьшился примерно на 6 миллиардов. Этому способствовали следующие мероприятия: увеличение срока предоставления региону бюджетного кредита на пополнение

остатка средств на счете бюджета со 180 до 240 дней; выделение федеральным центром финансов на погашение долга (в 2018 году выделил 25,5 млрд. рублей); формирование профицитного бюджета и оптимизация предприятий. Предпринятые меры помогают сокращать долг. Предполагается, что сегодняшними темпами долг Мордовии к 2023 году сократиться до 43 млрд. руб. [5].

Мы проанализировали государственный долг Республики Мордовия. Что же касается расходов 2022 года, то региональным законом «О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» от 26 декабря 2020 года был утвержден бюджет «по доходам в сумме 1114169,6 тыс. рублей и по расходам в сумме 40322872,3 тыс. рублей, в том числе условно утвержденные расходы в сумме 738635,5 тыс. рублей, с превышением доходов над расходами в сумме 791297,3 тыс. рублей, исходя из уровня инфляции, не превышающего 4%» [6]. Нынешняя бюджетно-налоговая система Республики Мордовия не сильно отличается от системы 2016 года. Во времена пандемии экономический кризис в Мордовии усилился, но сейчас налогово-бюджетная система стабилизируется и выходит на уровень докризисного состояния.

Обобщая все вышесказанное, мы приходим к выводу о том, что наиболее острыми проблемами бюджетно-налоговой системы Республики Мордовия стали большие размеры долговых обязательств, дисбаланс бюджета и не проработанность системы межбюджетных отношений с центром.

После выявления и анализа проблем бюджета Республики Мордовия, рассмотрим возможные пути стабилизации бюджета и вывода региона на самоокупаемость. Увеличить доходы можно с помощью поиска новых источников финансирования существующей базы региональных бюджетов. Один из вариантов – начало работы с прибыльными предприятиями, которые платят большие налоги в региональный бюджет. Что касается неналоговых поступлений, то тут необходимо улучшить механику управления имуществом государства, находящимся на территории регионов. Также нужно пересмотреть направления расходования бюджета и оптимизировать эти расходные статьи. Не менее важным является модернизация системы региональных программ повышения результативности расходов.

Рассмотрим конкретные направления модернизации налоговой системы.

Во-первых, нужно стабилизировать систему налогов:

- определить точный список налогов;
- выявить необходимый уровень ставок по налогам для региона;
- оптимизировать налоги в направлении их сокращения и установить пределы оптимизации;

– избавиться от расхождений между налоговым и другими законодательными актами;

– уменьшить объем льгот по налогам;

– улучшить процесс установления ответственности за правонарушения.

Во-вторых, нужно определить фискальные стимулы:

– раздробить акцизы на товары добывающих отраслей;

– внедрить обновленный механизм налогообложения недвижимости;

– снизить налоговое давление с предприятий, переместив часть налогов на сферу обращения;

– использовать агрегирование налогообложения малого бизнеса.

В-третьих, необходимо увеличить налоговую собираемость:

– помогать постепенному переходу к изыманию налогов по отгрузке;

– усилить контроль доходов физических лиц и модернизировать систему банковского контроля;

– ужесточить меры ответственности за ложное предоставление бухгалтерской отчетности по доходам;

– предоставлять льготы при условии отсутствия налоговой задолженности.

Таким образом, налоговая политика неразрывно переплетена с созданием развитой экономической основы и политической стабильностью. Если все вышеуказанное будет реализовано на территории Российской Федерации, то регионы, в том числе и Республика Мордовия, смогут получить больше самостоятельности при формировании бюджета и выйти на самокупаемость. Мордовия начнет постепенно выходить из кризиса и долговой ямы, стабилизирует свою внутреннюю экономику. В дальнейшем она сможет повысить эффективность работы бюджетобразующих предприятий при условии модернизации механизма бюджетно-налоговых взаимоотношений центра и региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемьева С. С. Совершенствование системы межбюджетных отношений в современных условиях // Вопросы экономики. – 2002. – № 5. – С. 137–143.
2. Артемьева С. С. Реформирование межбюджетных отношений в регионе // Финансы. – 2002. – № 3. – С. 19–21.
3. Макейкина С. М. Современные проблемы обеспечения сбалансированности местных бюджетов (на примере муниципальных бюджетов Нижегородской области) // Ученый XXI века. – 2015. – № 5–6 (6–7). – С. 52–56.

4. Макейкина С. М., Сулова Т. А. Современные тенденции оказания финансовой помощи нижестоящим бюджетам в РМ // Экономика и социум. – 2014. – № 2–3 (11). – С. 231–237.
5. Министерство финансов Республики Мордовия раздел «Государственный долг 2022» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minfinrm.ru/state-debt/ob-dolg/2022> (дата обращения: 08.04.2023).
6. О республиканском бюджете Республики Мордовия на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов от 26 декабря 2020 года № 90-З: с изменениями и дополнениями на 3 декабря 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/571052330> (дата обращения: 07.04.2023).
7. Официальный сайт Министерства финансов Республики Мордовия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfinrm.ru> (дата обращения: 08.04.2023).
8. Перфильев С. В., Терехин В. И. Анализ территориального неравенства и бюджетное регулирование территорий // Экономика. – 2000. – № 3. – С. 34–45.
9. Сулов В. И. Проблемы совершенствования межбюджетных отношений // Регион: экономика и социология. – 1999. – № 3. – С. 81–96.
10. Христенко В. Б. Развитие бюджетного федерализма в России: от разделения денег к разделению полномочий // Регионология: научно-публицистический журнал. – 2001. – № 1. – С. 26–50.

СЕДОВА К. В.

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ
В СФЕРЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности государственной политики Российской Федерации в сфере патриотического воспитания. Характеризуется роль государственных органов власти и институтов гражданского общества в процессе формирования и реализации государственной политики. Анализируются последние изменения в национальное законодательство, конкретизирующие патриотическое воспитание в контексте современных вызовов и угроз.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, государственная политика, Российская Федерация, молодежная политика, военно-патриотическое воспитание.

SEDOVA K. V.

**THE MAIN DIRECTIONS OF PATRIOTIC EDUCATION
IN THE STATE POLICY OF RUSSIA**

Abstract. The article discusses the features of the state policy of the Russian Federation in the field of patriotic education. The role of state authorities and civil society institutions in the process of formation and implementation of state policy is characterized. The latest changes in national legislation are analyzed, specifying patriotic education in the context of modern challenges and threats.

Keywords: patriotism, patriotic education, state policy, Russian Federation, youth policy, military-patriotic education.

С начала 2000-х годов в России наблюдается возрождение интереса общества к проблеме формирования патриотизма и развития патриотической культуры населения на основе прививания патриотических ценностей, прославления военного прошлого России и любви к Родине. На сегодняшний день одной из приоритетных задач внутренней политики государства выступает патриотическое воспитание. Кроме того, в российском обществе существует осознанная потребность в консолидации вокруг национальной идеи и национальных интересов, а развитие патриотизма и гражданственности становится важным стратегическим приоритетом национальной безопасности.

Политика патриотического воспитания, предписывающая государственным учреждениям и институтам гражданского общества продвигать духовно-нравственные ценности, защищать историю страны от искажения и приобщать молодое поколение к культуре и традициям российского государства, встроена в систему образования.

Роль патриотического воспитания становится все чаще выходит на первый план в политической повестке дня. Президентом РФ В. В. Путиным идея патриотизма была предложена в качестве национальной идеи, на основе которой консолидируется политическая, духовная и культурная жизнь общества: «...патриотизм является одной из самых важных ценностей российского общества и ключевой составляющей государственности страны» [11]. Данный подход в официальной доктрине был закреплен в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» от 30 декабря 2015 г. В Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О Национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года» в центре внимания находятся вопросы воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

Вопросы, касающиеся ценностных оснований российского общества и патриотизма в системе ценностей россиян, являются предметом изучения многих исследователей, в том числе О. О. Андрониковой [1], И. В. Бормотова [2], Е. В. Донгаузера [4] и др. Так, Е. В. Донгаузер акцентирует внимание на том, что патриотизм – это «важная социальная ценность, социально-гуманистическое явление, нравственное чувство, высший уровень развития и проявления личности на благо Отечества» [4, с. 35]. Л. В. Упорова к составляющим элементам патриотизма как качества личности относит: «любовь физическую (к месту рождения, культуре, традициям народа); любовь моральную (к согражданам, гордость за принадлежность к своему народу); любовь политическую (гордость за успехи государства, доверие к внутренней и внешней политике)» [17, с. 16]. Л. Д. Столяренко трактует данный феномен как «свойство человека, обнаруживающееся в его любви и верности Родине, понимании ее «величия, славы и переживании духовной связи с ней, в потребности и стремлении в любых условиях беречь её честь и достоинство, практическими делами укреплять её могущество и независимость» [16, с. 352].

В содержание патриотизма включается множество составляющих: гражданская идентичность, национальное и социальное единство, чувство сопричастности к судьбе страны, прославление военных подвигов и героев и т.п. В связи с этим система патриотического воспитания должна строиться на воспитательной, образовательной и просветительской деятельности. Патриотическое воспитание как важное направление государственной политики должно быть основано на систематической и целенаправленной деятельности органов государственной власти, гражданского общества, семьи по формированию у граждан любви и уважения к Родине, ответственного отношения к своей стране. Его следует понимать

как формирование ценностного отношения к семье, родному краю, истории и культуре своего народа, своему Отечеству [5, с. 15].

Государственная политика в этой области характеризуется деятельностью государственных органов власти федерального и регионального уровня в законотворческой деятельности по формированию основ патриотического воспитания, в выработке ведомственных программ патриотического воспитания и координировании согласованного развития направлений работы в данной сфере. В систему государственной политики реализации патриотического воспитания входят: Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство, федеральные органы исполнительной власти, органы власти субъектов РФ и органы местного самоуправления [14, с. 527].

Важной составляющей государственной политики выступает сотрудничество с институтами гражданского общества, участвующими в формировании и реализации государственной политики в области патриотического воспитания: политическими партиями, общественными организациями и движениями, религиозными организациями и др. [15, с. 35]. Организации гражданского общества, особенно ветеранские группы, активно участвуют в реализации федеральных и региональных программ патриотического воспитания. Примеры включают Российское военно-историческое общество, Фонд поддержки Российского флота и военные казачьи общества. Группы ветеранов играют ключевую роль в патриотической мобилизации и воспитании населения. Многие организации занимаются мобилизацией общественности, часто при финансировании из федерального бюджета, среди них: Русская православная церковь, казачьи объединения и «народные музеи» (небольшие инсталляции, управляемые любителями истории, довольно распространенные в России). Некоторые из этих них повторяют кремлевский патриотический дискурс, но в ряде случаев предлагаются конкурирующие определения любви к Родине и собственное понимание патриотизма.

Система патриотического воспитания в Российской Федерации на сегодняшний день выстраивается по следующим направлениям: нормативно-правовое, гражданско-правовое, военно-патриотическое, социально-патриотическое, культурно-историческое, духовно-нравственное.

1. Нормативно-правовое направление – это совершенствование законодательной базы, обеспечивающей формирование, планирование и реализацию государственной политики в рассматриваемой сфере. Значительным вкладом в развитие государственной политики в сфере патриотического воспитания стала «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.» [9]. Документ определил цель, задачи, приоритетные направления патриотического воспитания и механизмы его реализации, учитывающие актуальные потребности современного российского общества и государства, глобальные вызовы и

условия развития страны в мировом сообществе. В рамках нормативно-правового направления разрабатываются новые подходы к оценке эффективности реализуемой государственной политики в сфере патриотического воспитания, варианты совершенствования государственного управления и способов взаимодействия с негосударственными акторами, участвующими в процессе патриотического воспитания.

2. Гражданско-правовое патриотическое воспитание заключается в формировании у населения активной гражданской позиции и ответственности, уважения к культуре и традициям других национальностей, развитии политической и правовой культуры [9]. В соответствии с поставленными задачами значительное внимание уделяется привлечению молодого поколения к участию в добровольческих движениях и организациях, форумах гражданско-патриотической направленности. Введение в 2014 году «Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [7] повлекло за собой институционализацию и централизацию форумов, предназначенных для практического достижения целей российской молодежной политики. Например, в «Методических рекомендациях по организации молодежных форумов в рамках акции Всероссийского молодежного форума 2018 года» перечислены 15 приоритетов политики, которые должны быть отражены в повестке форумов, такие как: «привлечение молодежи к волонтерству и инновациям», «профориентационная помощь», «патриотическое воспитание», «пропаганда здорового образа жизни» [6]. В результате стандартизации молодежные форумы по всей стране укладываются в единую модель, предлагая участникам как образовательные мероприятия (лекции, семинары, мастер-классы и т.д.), так и досуговые (спортивные соревнования, концерты, мастер-классы и т.д.).

Реализация гражданско-патриотического направления патриотического воспитания позволяет направить энергию и стремления молодежи в созидательное русло, превратить граждан в ресурс социально-экономического развития России, отслеживать, насколько эффективно молодое поколение усваивает патриотическое мышление, основанное на традиционных государственных ценностях.

3. Военно-патриотическое направление выражается в поддержке полевых и архивных работ, движения реконструкторов, в проведении конкурсных мероприятий, реализации государственной политики по сохранению исторической памяти. В последние годы наблюдается всплеск реконструкций сражений Второй мировой войны, активно поощряемых федеральными и региональными властями. Во многом реконструкции опираются на советский опыт, о чем прямо свидетельствует программа патриотического воспитания, отмечая, что возобновились военно-спортивные соревнования и другие мероприятия, направленные на военно-патриотическое воспитание молодежи.

Память о Великой Отечественной войне также играет центральную роль в военно-патриотическом воспитании. По мере исчезновения из коллективной памяти постсоветского российского общества авторитетных источников непосредственных знаний о войне образуется информационный и эмоциональный вакуум, требующий государственного вмешательства в процесс формирования коллективной исторической памяти и сохранения российской истории. Самые масштабные празднования проходят 9 мая, в День Победы, в ознаменование поражения нацистской Германии в 1945 году. Сегодня этот праздник и связанные с ним мероприятия являются массовой демонстрацией национальной гордости. Парад сопровождается концертами, шествием ветеранов и массовым шествием, известным как «Бессмертный полк». По данным ВЦИОМ, День Победы 67% граждан России считают главным праздником страны. В 2022 году участие в праздничных мероприятиях со стороны населения увеличилось по сравнению с предыдущими годами – 76% россиян планировали отпраздновать День Победы, что является самым высоким показателем с 1995 года, когда правительство начало проводить военные парады, которые стали ежегодной традицией в городах по всей стране. Доля граждан, проявляющих желание принять участие в шествиях и мероприятиях офлайн составила 40% (по сравнению с 32% в 2021 году) [3].

Государственная политика патриотического воспитания в отношении молодежи занимает особое место, так как государство стремится воспитывать патриотические чувства у граждан с раннего возраста, а также прививать уважение к национальной истории и почтение к старшим. В последние годы государство акцентирует внимание на угрозе идеологической коррупции и опасениях, что детям будут внушать «морально неверные» интерпретации истории (западные коды), что приведет к дестабилизации традиционного российского общества. Действительно, наблюдается усиление общественного дискурса вокруг знаний о военном периоде постсоветской жизни. Одним из аспектов этой кампании стал запуск инициативы «Сила в правде», цель которого заключается в формировании патриотизма, культивировании любви к истории, создании дискуссионных клубов для школьников, в которых будут участвовать историки, представители музеев и вузов [18].

4. Социально-патриотическое направление государственной политики в области патриотического воспитания содействует развитию социальных институтов воспитания, в первую очередь, семьи, статуса родительства и семейного воспитания, расширению инфраструктуры семейного отдыха и совместного времяпровождения семей, направленного на формирование крепких семей [9]. Мероприятия по социально-патриотическому воспитанию активно реализуются на базе общеобразовательных учреждений и выражаются в проведении конкурсов и осуществлении программ, направленных на формирование уважительного отношения к старшим, к Отечеству и к малой родине, развитие гуманизма.

5. Культурно-историческое направление государственной политики в области патриотического воспитания имеет схожие черты с военно-патриотическим направлением. Оно выражается в практике возрождения духовного опыта, традиций, памяти о героическом прошлом народа России. Культурно-историческое воспитание призвано сохранить многогранные исторические, культурные корни, питающие духовный опыт народа России, пропагандировать лучшие страницы ее истории, возрождающие героическое прошлое [10, с. 112]. Рассматриваемое направление получило своё новое развитие благодаря поручению Президента РФ В. В. Путина, который в декабре 2022 года акцентировал внимание Правительства на необходимости популяризации героев российской истории и фольклора [13].

6. Духовно-нравственное направление патриотического воспитания предполагает непрерывный и целенаправленный процесс взаимодействия педагогов и воспитанников по формированию гармоничной личности, духовно-нравственных ценностей [10, с. 112]. В последние годы этому направлению государственной политики уделяется особое внимание в связи с угрозами глобализации и вестернизации, усиления влияния западных недружественных государств на мировоззренческие установки россиян. В связи с нарастающей угрозой идеологического и психологического воздействия на граждан и необходимостью обеспечения безопасности страны от утраты традиционных ценностей российским обществом в ноябре 2022 г. был утвержден Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [8]. В соответствии с документом цель государственной политики заключается в сохранении и приемлемости традиций, противодействии распространению деструктивной идеологии и воспитании подрастающего населения в духе уважения к традиционным ценностям.

Перспективным направлением государственной политики в сфере патриотического воспитания выступает производство в новых форматах востребованного цифрового контента и мультимедийных продуктов. По поручению Президента РФ это направление государственной политики будет реализовываться Правительством РФ при участии автономной некоммерческой организации «Институт развития интернета». Для достижения целей совершенствования патриотического воспитания в цифровой среде с 2023 года из федерального бюджета будет выделяться по 3,9 миллиарда рублей [12].

Таким образом, на современном этапе государственная политика в области патриотического воспитания приобретает новый масштаб, наполняется новым содержанием на основе четких целевых ориентиров. Эффективность ее реализации зависит во многом от способности субъектов патриотического воспитания претворить в жизнь намеченные цели.

Об усилении внимания государства к необходимости обеспечения патриотического воспитания свидетельствует расширение направлений, реализуемых как среди детей и молодежи, так и в отношении взрослого населения. В контексте проведения специальной военной операции и увеличения внешних угроз национальной безопасности страны наибольшее развитие получило военно-патриотическое направление, в рамках которого осуществляются мероприятия по защите российской истории от фальсификаций, сохранению памяти о подвигах героев Великой Отечественной войны, реализуется реставрация культурно-исторических памятников. Вместе с тем наблюдается тенденция к использованию современных информационных технологий в процессе патриотического воспитания и увеличению финансирования на проекты патриотической направленности, реализуемые в сети интернет. В долгосрочной перспективе патриотическое воспитание направлено на формирование у следующего поколения граждан России глубокого и устойчивого чувства патриотизма, долга и любви к Родине, а также уважения к истории страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андронникова О. О. Патриотизм в системе ценностных ориентаций современной молодежи // Смальта. – 2019. – № 3. – С. 22–28.
2. Бормотов И. В. Ценностные основания современного человека: парадигмальный сдвиг // Социум и власть. – 2016. – № 3 (59). – С. 31–35.
3. День Победы – главный праздник страны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-glavnyi-prazdnik-strany> (дата обращения 19.02.2023).
4. Донгаузер Е. В. К вопросу о патриотическом воспитании: понятийный аспект // Историко-педагогические чтения. – 2022. – № 26. – С. 33–40.
5. Ёлкин С. М., Косова А. А. О содержании понятий «патриотизм» и «патриотическое воспитание» // Вестник Новгородского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 14–16.
6. Об утверждении Методических рекомендаций по организации и проведению молодежных форумов в рамках Всероссийской молодежной форумной кампании в 2018 году: Приказ Федерального агентства по делам молодежи от 4 апреля 2018 г. № 98 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/557414556> (дата обращения 19.02.2023).
7. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014

- г. № 2403-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420237592> (дата обращения 19.02.2023).
8. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061> (дата обращения 19.02.2023).
  9. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/420277810> (дата обращения 19.02.2023).
  10. Оленич Т. С., Гомелева Е. В. Духовно-нравственное и гражданско-патриотическое воспитание учащихся в современных условиях образовательной среды // Молодой исследователь Дона. – 2022. – № 1. – С. 110–114.
  11. Путин назвал ключевую основу государственности России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/04/27/patriotism> (дата обращения 19.02.2023).
  12. Путин поручил выделять средства на патриотический контент для детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://1prime.ru/society/20221017/838481984.html> (дата обращения 19.02.2023).
  13. Путин поручил популяризировать исторических и фольклорных героев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20221213/folklor-1838250612.html> (дата обращения 19.02.2023).
  14. Рукина Е. В. Роль субъектов государственной молодежной политики в реализации патриотического воспитания молодежи // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: сборник научных трудов IV Всероссийской научной конференции с международным участием. – Иркутск, 2020. – С. 524–530.
  15. Сквиков А. К. Взаимодействие гражданского общества с органами государственной власти в формировании патриотизма // PolitBook. – 2017. – № 3. – С. 34–44.
  16. Столяренко Л. Д. Педагогика. – Ростов н/д., 2013. – 448 с.
  17. Упорова Л. В. Особенности патриотического компонента содержания образования в российских духовных и светских учебных заведениях: XVIII – нач. XX вв. – Ростов н/д., 2009. – 123 с.
  18. Школьникам предложили вступить в новое объединение и учить историю по «правильным» источникам [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/05/12/921705-shkolnikam-vstupit-obedinenie> (дата обращения 19.02.2023).

ПАЛИЙ А. В.

**ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ:
ОТ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА ДО КОНЦА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Аннотация. В статье рассмотрены основные вехи становления и развития российской политической элиты. Отмечены особенности рекрутирования на каждом из этапов, а также указаны проблемы, возникающие в ситуациях политической нестабильности.

Ключевые слова: политические элиты, этапы становления политической элиты в России, проблемы рекрутирования политических элит.

PALIY A. V.

**THE DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN POLITICAL ELITE:
FROM THE OLD RUSSIAN STATE TO THE END OF SOVIET PERIOD**

Abstract. The article considers the milestones in the formation and development of the Russian political elite. The features of recruiting elites at each stage of Russian history are considered. The problems that arise in situations of political instability are described.

Keywords: political elites, stages of formation of political elites in Russia, problems of recruiting political elites.

В истории большинства государств можно выделить характерные этапы развития. Основу периодизации составляют разные факторы, одним из которых может выступать динамика развития политической элиты: с изменением государственного строя, уклада жизни, внешнеполитическими событиями в структуре политических элит могут также происходить качественные преобразования. Объектом представленного ниже исследования являются российские политические элиты, рассматриваемые в период с начала древнерусского государства и до конца Советского государства. Выводы, полученные по итогам исследования, базируются на положениях трудов разнообразных авторов, исследовавших становление политической элиты нашей страны в период Рюриковичей (А. А. Инков [2], О. А. Плотникова [6]), Романовых (Т. Р. Вакилев [1], Л. Ф. Писарькова [4], О. А. Плех [5], Е. И. Подрепный [7], Т. М. Фадеева [8]), а также в советскую эпоху (Р. А. Малахов [3], А. В. Чернышова [9]).

Стоит начать с периода древнерусского государства, где власть распределялась между князем и дружиной, которые совместными усилиями стремились завоевать как можно больше земель с целью дальнейшего распространения своей гегемонии на всю территорию страны. Мало кто мог претендовать на княжеский престол, так как власть князя являлась для всех священной и недосягаемой, за исключением кровных междоусобиц. Дружина являлась опорой главы государства: она обеспечивала безопасность князя, защищала его двор, собирала дань с

разных территорий, являлась ведущей составляющей военного состава, наконец, признавала его абсолютную власть над всеми [6, с. 96]. Князь обеспечивал дружину землей, а также делил богатства с захваченных земель.

Можно сделать вывод, что не связанное с происхождением присутствие человека в элите тех времен зависело исключительно от подвигов и заслуг, проявленных на войне. Дружина в иерархии власти располагалась вслед за главным государственным деятелем, так что в их руках было сосредоточено немало власти. Резкого обновления элиты не наблюдалось. Это можно объяснить простотой системы рекрутирования, так как обновление происходило с помощью естественных военных процессов, а на смену приходили новые будущие управленцы. Конфликты в элите тех времен сводились к борьбе за престол между наследниками прошлого правителя и решались, как правило, в силовом поле. Это выражалось в открытых столкновениях между войсками претендентов на главное место в системе власти государства [2, с. 125]. Реже конфликты разрешались в мирном русле, когда наследники договаривались между собой и распределяли территории с помощью взаимных уступок.

Для позднесословной России (конец XVII – начала XX вв.) главным механизмом воспроизводства элиты служила «Табель о рангах», введенная Петром I в 1722 году [1, с. 5]. По данному приказу все военнослужащие в течение своей службы поднимались по карьерной лестнице, которая включала в себя 14 классов. В ходе своей службы государству (гражданской либо военной) люди могли получить звание дворянина (в лучшем случае – потомственное звание дворянина). Поэтому в данный период основу верхушки политико-административной элиты составляли представители четырех-пяти классов «Табели о рангах», что характеризовало Россию на том историческом этапе как военную державу.

На формирование модели государственного управления повлияло несколько факторов. К таковым можно отнести влияние сословно-традиционалистского подхода, который зачастую тормозил развитие государственной системы. Следствием этого стало откладывание многих реформ на десятилетия, что увеличивало отрыв от преобразований, происходивших в этот период в странах Европы. К другим факторам можно отнести влияние либерально-буржуазных идей и эгалитаристско-демократических подходов.

Но главным образом к конфликтам внутри элиты этой системы приводили не вышеперечисленные факторы [4, с. 367]. Абсолютизм, сложившийся в XVIII веке, породил множество конфликтных ситуаций. Во-первых, в стране не прекращались народные волнения крепостных, которые затем перетекали в массовые восстания против власти. Усложняли ситуацию восстания, происходившие в регионах, так как их нельзя было контролировать должным образом, что позволяло участникам восстаний зазывать в свои ряды все больше людей. Однако данные народные протесты не подрывали уровень власти, хоть и портили её

имидж. Во-вторых, конфликтную ситуацию создавал механизм престолонаследия, который зачастую приводил к дворцовым переворотам. По сути Петр I загнал сам систему в такую ситуацию, когда следующий император определяется не прямым родословным фактором, а с помощью указа с выбором будущего правителя [8, с. 187]. Из-за такого механизма сложилась борьба между родовитой аристократией и дворянством за ресурс политического влияния на первое лицо в вопросах выбора «наследника». Члены элиты пытались поженить своих детей с членами императорской семьи, чтобы защитить свои интересы и оказывать влияние на государственную политику в угоду своим интересам.

Окончательно бюрократическая система сформировалась к середине XIX века. Этому способствовало создание министерств, что помогало эффективнее управлять губерниями [5, с. 144]. Власть стала централизованной и, как следствие, пошла в сторону бюрократизации: полномочия между людьми продолжали терять персонифицированный характер, что не могло не сказаться на эффективности делопроизводства. Именно в этот период появился тип министерского чиновника, который являлся новым типом гражданского служащего. Породила же такого чиновника система административного управления. Такая система основывалась на беспрекословном подчинении главному авторитету в стране – императору – и не учитывала интересы низших слоев населения. Далеко не лучшие условия труда (низкая заработная плата) и не самый высокий уровень компетентности (многие чиновники были выходцами из низших сословий) привели к кризису системы, апогеем которого стало поражение России в Крымской войне 1853 – 1856 гг., что подтолкнуло к очередным реформам в сфере государственного управления.

Взятый Александром II либеральный курс преобразований не смог в полной мере изменить систему, хотя и были положительные моменты. К таковым можно отнести всеобщность в вопросах, касающихся выборной системы в губерниях и уездах. Однако реформы не были завершены в связи со смертью Александра II и дальнейшим правлением Александра III, который решил провести контрреформы. Следствием этого стало учащение проблем в государственной системе, которые проявлялись в конфликтах между органами самоуправления. Нежелание/неспособность самодержавия подстраиваться под реалии того времени привели к популяризации революционных идей среди либерального блока управляющей элиты.

Таким образом, в России на момент начала XX века начинают институализироваться оппозиционные силы, образуя свои партии и собрания. Следствием революции 1905–1907 гг. стало формирование многопартийной системы власти. Гражданское общество в России не смогло сложиться в такие сжатые сроки, ибо партии не были способны объективно разбираться в проблемах большинства населения страны, так как представителями Думы

зачастую была интеллигенция. Парламент часто вступал в конфликт с другими ветвями власти (как и с Императором) по основным вопросам (главный из них – аграрный вопрос), однако положительной отдачи от этих споров не было [7, с. 151].

В начале 1910-х гг. правящая элита страны складывалась из бюрократической и представительной. Среди всех членов большой элиты были и люди, не относящиеся к профессиональным умельцам на государственной службе, но имеющие весомый политический вес в принятии серьезных государственных решений. Первая Мировая война, обострение социальных проблем, падение авторитета самодержавия и кризис государственной системы привели к разрушению связи между главным чиновником страны – Императором – и элитой. Данным процессам способствовали частые роспуски Думы и смены министров, что привело к изменению настроений у бюрократического аппарата.

Конец династии Романовых означал разрушение связей между членами бюрократической элиты и прекращение деятельности монархической партий. В этом контексте послениколаевская Россия должна была преобразиться в лучшую сторону, так как теперь существовал новый образ государственности, который строился на критике прежней, сословно-бюрократической системы. Была надежда на то, что новая элита сможет после внутренних (кризис, гражданская война) и внешних (интервенция, изоляция) трудностей создать такой тип управления, который был бы более централизованным.

Как показала история, из ошибок прежней власти было усвоено мало уроков. Подавляющее большинство многих отраслей новой власти составляли те самые чиновники. Связано это было с низкой компетентностью высших руководителей, которые работали с тем же людским ресурсом, испытывающим те же проблемы, что и десять лет назад. С приходом к власти Ленина и других идейных революционеров обострилась потребность в подготовке новых кадров. «Профессиональные революционеры» обладали следующими качествами: корпоративностью, фанатизмом, миссионерской направленностью, строжайшей конспирацией, принципом «цель оправдывает средство», принципом «демократического централизма», а также враждебностью по отношению к другим движениям, партиям, организациям.

Перед Лениным и другими членами новой элиты стояла задача настраивания нового механизма, с помощью которого в партии могли состоять не только яркие революционеры, но и выходцы из рабочего класса [9, с. 156]. Постепенно стали организовываться идейные кружки, проводиться агитация в местах работы, что играло на руку новой власти. Однако в долгосрочной перспективе большевикам нужно было предложить что-то большее, нежели громкие лозунги. Удерживать власть сложнее, чем ее захватывать. Потому строительство социализма требовало огромных усилий не только от населения, но и от политической элиты.

Необходимо было наладить структуру подбора кадров, так как многие члены партии либо стали уделять внимание больше себе, чем общему делу, либо в силу определенных причин уже не могли справляться с тем объемом работы, которую они выполняли до этого.

После X съезда РКП(б) ситуация поменялась. Теперь за формирование более совершенного механизма отвечал И. В. Сталин: главным критерием, по которому определялся выбор в пользу того или иного человека, стала преданность вождю, а не идейным принципам. После смерти Ленина аппарат партии стал только увеличиваться, что играло на руку Сталину. Последним препятствием перед окончательным созданием номенклатуры являлась так называемая «ленинская партийная гвардия». В отличие от «новой сталинской школы», ленинская гвардия отличалась своими частыми дискуссиями с оппонентами, они были больше заточены идейно, поэтому стремление как можно скорее подниматься по партийной лестнице не было для них самоцелью. Сталинская элита отличалась своей авторитарностью и нежеланием прислушиваться к мнению альтернативных сторон. Все правила были четко регламентированы. Кадровая политика строилась не на правовой основе, а на лояльности к режиму и способности воспроизводить планы партии.

Советская партийная номенклатура, по мнению специалистов, изменялась с течением времени и прошла 4 стадии своего развития. Для ленинского этапа был характерен поиск в сфере государственного управления. Сталинская номенклатура отличалась своим окончательным формированием в государственном управлении. При Хрущеве был взят курс на частичную демократизацию элиты, стремление преобразовать сферу народного хозяйства. Наконец, брежневский период отличался «застоем», который выразился в кризисе политической элиты СССР [3, с. 62].

Политические элиты в советский период очень тщательно отшлифовывались путем избавления из своих рядов сначала партий, а затем и фракций. Данные процессы шли одновременно с процессом становления государственности и управляющего аппарата страны, при этом у самого общества не было возможностей контролировать деятельность государства по ряду причин: с одной стороны, в стране существовал авторитарный стиль управления, который контролировал большинство внутренних процессов в стране, с другой – у общества не было представлений о том, что государство должно было делать в социальной сфере.

Внутриэлитный конфликт сводился к борьбе между членами номенклатуры, которые «подсигивали» своих коллег по партии. Существовала и так называемая «система доносов», которая распространялась на население в целом, особенно в годы массовых репрессий. Здесь же стоит выделить другие критерии отбора в советскую номенклатуру, среди которых можно назвать проявление лояльности советскому руководству и наличие родственных связей. В сложившейся системе государственных отношений должна была победить такая власть,

которая могла бы укрепить, а затем и распространить сферу своих полномочий на всю территорию страны. Такой властью оказалась сталинская номенклатура, отличавшаяся своей жесткой иерархичностью.

Проблемы, которые назревали в обществе, либо замалчивались в силу страха, либо «замазывались» идеологической составляющей. Единственной возможностью подняться наверх была номенклатура, имеющая свои «правила игры» и не допускавшая многих профессиональных и ярких личностей. При таком отношении людям оставалось подстраиваться под данную систему и становиться ее частью. Конфликт не вспыхивал лишь потому, что существовала грамотная идейная пропаганда, которая служила «дымовой завесой» для граждан СССР. Большинство людей верило в то, что они делают и к какому «светлому будущему» они идут. В политических режимах демократического типа подобного рода действия со стороны власти приводили бы к массовым волнениям и открытым конфликтам власти и населения. Казалось бы, сложившаяся вертикальная модель власти способствовала укреплению власти на долгие десятилетия вперед, но оказалось, что это было не так. На деле мы имеем ситуацию, когда главной целью многих партийцев была борьба за внутриэлитный ресурс, а не следование «заветам вождя».

Конфликт был конструктивным, но из-за нежелания его разрешать многими членами ЦК он постоянно находился в замороженном состоянии. Это и вылилось в Перестройку и развал СССР, когда нерешенные проблемы перевесили идеологическую составляющую, которая была уже не столь эффективной, как в прежние времена. Следовательно, внутриэлитные конфликты за властный ресурс наносили существенный урон всей политической системе Советского Союза. Данные конфликты разрешались прямолинейно, неконструктивно. Проблемы подобного рода не откладывались: на них просто закрывали глаза, не придавая особого значения. Так что реализация данных конфликтов происходила в сфере партийно-государственной элиты, где сталкивались интересы разных групп [3, с. 65].

С началом курса Перестройки у населения все больше стало вызывать недоверия действующая власть в связи с кризисом ее политического аппарата, а также с ростом информированности общества. Власть утратила механизм манипуляции, который строился на жестком контроле и управлении. Перестройка должна была преодолеть кризис власти путем обновления правящей элиты, однако достичь этого не удалось. Элита распалась, а вместе с ней и государственная система управления, что привело к развалу Советского Союза. Судьба «старой» элиты сложилась по-разному: кто-то вошел в состав новой российской элиты, кто-то нашел себя в бизнесе или в хозяйственной работе, другие решили закончить свою профессиональную карьеру политику, уйдя на пенсию. Однако данный распад породил огромное количество конфликтов, многие из которых до сих пор не разрешились.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что динамика развития российских политических элит в период с древнерусского государства до конца советского периода была довольно разнообразной и зависела от многих факторов, таких как социально-экономические изменения, политические события и культурные традиции. На каждом из этапов существовал собственный механизм рекрутирования политических элит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вакилев Т. Р. Табель о рангах и система чинов в российской империи // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – Т. 2. – С. 3–8.
2. Инков А. А. К вопросу о единстве князей Рюрикава дома в XII–XIII вв. // Власть. – 2013. – Т.6. – С. 123–125.
3. Малахов Р. А. Чиновничество советского государства как правящий социальный слой: историографический аспект // Манускрипт. – 2019. – № 6. – С. 61–64.
4. Писарькова Л. Ф. Чиновник на службе в конце XVII — середине XIX века // Отечественные записки. – 2004. – № 2. – С. 358–370.
5. Плех О. А. Феномен российской бюрократии // Вестник «Воронцово поле». – 2022. – № 2. – С. 42–47.
6. Плотникова О. А. Становление института княжеской власти в Древней Руси // Власть. – 2008. – Т. 4. – С. 95–99.
7. Подрепный Е. И. Россия в начале XX века. Власть, оппозиция, революционный террор: опыт современной историографии // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2017. – № 1–2. – С. 136–173.
8. Фадеева Т. М. Российский абсолютизм в XVIII веке (аналитический обзор) // История России в современной зарубежной науке. – 2015. – № 1. – С. 173–204.
9. Чернышова А. В. Формирование управленческого аппарата в России в первые годы советской власти // Власть. – 2014. – Т. 7. – С. 155–160.

КЛЮЕВ Н. Н.

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ ФОРМАТА БРИКС
В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются возможные сценарии расширения формата БРИКС. Анализируются перспективы вступления в БРИКС ряда стран, а также потенциал расширения взаимодействия в формате БРИКС+. Автор акцентирует внимание на важности углубления сотрудничества в формате БРИКС и возможности включения в состав новых членов в контексте интересов РФ в условиях динамики современного мироустройства.

Ключевые слова: Россия, БРИКС, расширение формата БРИКС, БРИКС+, БРИКС-аутрич, многополярность, интеграция, Аргентина, Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ, Алжир, Египет, Бахрейн.

KLYUEV N. N.

**PROSPECTS FOR EXPANDING THE BRICS FORMAT
IN THE CONTEXT OF THE INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article discusses possible scenarios for the expansion of the BRICS format. It analyzes the prospects for a number of countries to join BRICS and the potential of expanding cooperation in the BRICS+ format. The author focuses on the importance of deepening cooperation in the BRICS format and the possibility of including new members in the context of Russia's interests in the dynamics of the modern world order.

Keywords: Russia, BRICS, expansion of the BRICS format, BRICS+, BRICS outreach, multipolarity, integration, Argentina, Iran, Saudi Arabia, UAE, Algeria, Egypt, Bahrain.

В условиях продолжающейся гибридной войны коллективного Запада против России и турбулентности современного миропорядка всё большую популярность приобретают «незападные» интеграционные объединения (ШОС, БРИКС и др.). Межгосударственное объединение БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика) в последние годы всё чаще привлекает внимание международного сообщества. На саммиты «пятерки» в качестве участников приглашаются представители различных геополитических регионов. Не утихают дискуссии относительно жизнеспособности БРИКС, его институционализации и роли на международной арене. Некоторые исследователи считают, что БРИКС останется всего лишь форумом для обсуждения возникающих в мире проблем, другие рассматривают БРИКС как реальную альтернативу коллективному Западу и заявляют, что в будущем объединение могло бы стать основным полюсом силы в формирующемся

«новом мироустройстве». Отдельного внимания заслуживает перспектива расширения формата БРИКС.

Проблема расширения формата БРИКС нашла своё отражение в работах А. А. Беленькой [1], А. Д. Володиной [5], К. И. Тютиковой [15]. Особенности формата взаимодействия БРИКС+ рассмотрены в исследованиях Ц. Ли [9], Н. В. Поповой [13], А. Н. Семеновой [14].

Цель исследования – проанализировать перспективы расширения формата БРИКС в контексте интересов РФ и выделить основные сценарии дальнейшего развития объединения. Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд конкретных задач. Во-первых, рассмотреть возможность присоединения новых стран-членов к формату БРИКС. Во-вторых, проанализировать перспективы сотрудничества в формате БРИКС+ как с отдельными странами, так и с другими крупными международными объединениями (ШОС, МЕРКОСУР, ЕАЭС, Африканский Союз и др.). В-третьих, выявить особенности гибридного сценария объединяющего вступления новых членов в формат и параллельное расширение интеграции в БРИКС+.

В рамках данной статьи нами будет рассмотрено несколько сценариев расширения формата БРИКС.

Первым сценарием является расширение БРИКС путём присоединения к формату новых стран-членов. Идея расширения объединения обрела популярность сразу после присоединения к БРИК Южно-Африканской республики в 2011 году. Присоединение ЮАР имело больше геополитическое нежели экономическое значение, и объединение, которое стало охватывать практически все континенты мира, стало одним из главных предметов дискуссий международного сообщества. Возрастающая роль и перспективы БРИКС на мировой арене вызывают интерес у многих развивающихся государств, и некоторые из них уже подали заявки на вступление в формат.

Одним из вероятных кандидатов на вступление в БРИКС считается Аргентина. Ещё в 2014 году Президент РФ В. В. Путин в ходе рабочей поездки в Латинскую Америку высоко оценил масштабы взаимодействия с данной страной. На вопрос журналистов о возможном присоединении Аргентины к БРИКС он отметил, что «формальных поводов для вступления в БРИКС нет, как не существует и строгих критериев присоединения для того или иного государства, и в каждом конкретном случае решение принимается в индивидуальном порядке» [2]. В 2022 году, сразу после XIV саммита БРИКС, Аргентина и Иран официально подали заявки на вступление в объединение.

Оценивая совокупный потенциал Аргентины, стоит отметить, что она занимает 24 место в рейтинге ВВП стран мира [6] и 47 место в рейтинге по индексу человеческого развития

[8]. Аргентина является одним из крупнейших и надежных поставщиков продуктов питания в мире, а также обладает большим ресурсным потенциалом и имеет преимущества в областях прикладной логистики и биотехнологий. Она входит в «большую тройку» стран Латинской Америки и играет решающую роль в данном регионе, является членом МЕРКОСУР, а также входит в «большую двадцатку» стран с наиболее развитой и развивающейся экономикой (G20).

Ещё одним, не менее перспективным, кандидатом на вступление в БРИКС признается Иран. Учитывая то, что Иран в 2022 году был принят в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), можно с большой долей вероятности предположить, что для дальнейшей более тесной интеграции со странами РИК (Россия – Индия – Китай), являющимися основным ядром БРИКС, Иран будет также принят и в данный формат. Исламская Республика Иран занимает 28 место в рейтинге ВВП стран мира [6] и 76 место в рейтинге по индексу человеческого развития [8]. Государство обладает большими военными, демографическими, политическими и экономическими ресурсами в регионе Ближнего Востока. Как отмечает Президент Ирана Э. Раиси, «геополитическое и геоэкономическое положение Ирана может сделать его стабильным и надежным партнером БРИКС, и Тегеран готов предоставить странам, входящим в организацию, свои возможности для выхода на новые рынки и обеспечения энергетических потребностей» [12].

22 января 2023 года в ходе визита в РФ посол ЮАР М. Макетука рассказал журналистам, что на данный момент есть около 13 претендентов на вступление в формат БРИКС. Страны, официально подавшие заявки, – это Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн, Алжир, Египет [12]. Рассмотрим подробнее каждую из них.

Саудовская Аравия занимает 18 место в рейтинге ВВП стран мира [6] и 35 место в рейтинге по индексу человеческого развития [8]. Эта страна – крупнейший в мире поставщик нефти, самая крупная экономика в регионе Ближнего Востока. Также государство входит в G20, является членом Лиги арабских государств (ЛАГ) и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). С присоединением данного государства к формату роль БРИКС на мировой арене значительно укрепитя: это может стать всерьез угрожать стабильности стран коллективного Запада и «пошатнуть» существующий баланс сил.

ОАЭ занимают 30 место в рейтинге ВВП стран мира [6] и 26 место в рейтинге по индексу человеческого развития [8]. Объединенные Арабские Эмираты входят в пятёрку крупнейших стран – экспортеров нефти в мире. В государстве сильно развита сфера туризма и бизнеса, реализуются крупные проекты в сфере строительства. Государство является членом ЛАГ и ССАГПЗ, а в 2021 году присоединилось к Новому банку развития (НБР) БРИКС. Темпы роста ВВП в стране исторически опережали показатели других соседей в регионе. Хоть

государство и сильно зависит от экспорта нефтепродуктов, однако в последние годы ОАЭ находится в топ-15 стран по показателю индекса инвестиционного доверия [7].

Бахрейн занимает 99 место в рейтинге ВВП стран мира [6] и 35 место в рейтинге по индексу человеческого развития [8]. Бахрейн традиционно называют «воротами в арабские страны Персидского залива». Экономика государства, как и остальных стран региона, зависит от экспорта нефти и газа. Бахрейн также является членом ЛАГ и ССАГПЗ. Стоит отметить, что столица Бахрейна Манама служит центром для различных крупных финансовых структур. В государстве в последние годы сильно развивается сфера туризма и банковский сектор.

Алжир занимает 55 место в рейтинге ВВП стран мира [6] и 91 место в рейтинге по индексу человеческого развития [8]. Экономика государства сильно зависит от экспорта нефти и газа, также в стране развита сфера сельского хозяйства (активно экспортируются пшеница, фрукты и овощи). Государство является членом Африканского союза, ЛАГ и Союза арабского Магриба. Алжир входит в десятку стран мира по запасам природного газа и находится на 15 месте по запасам нефти. Основными торговыми партнерами Алжира традиционно выступают страны ЕС и США.

Египет занимает 45 место в рейтинге ВВП стран мира [6] и 97 место в рейтинге по индексу человеческого развития [8]. В стране сильно развита сфера туризма и сельского хозяйства, также Египет активно экспортирует сырую нефть и нефтепродукты, текстиль и т.д. Государство является членом Африканского союза и ЛАГ, а в 2022 году присоединилось к НБР БРИКС. Важно отметить, что страна имеет очень выгодное географическое положение. Египет контролирует Суэцкий канал и получает пошлину с судов, проходящих по нему, а это около 20 тысяч судов в год.

Рассмотрев страны, которые официально подали заявки на вступление в БРИКС, можно сделать вывод, что экономика большинства из них не соответствует уровню стран-членов объединения. Однако вступление ЮАР в БРИКС показало, что экономический фактор не является главным при принятии в состав новых государств. Проанализировав совокупный потенциал представленных стран, можно предположить, что больше всего шансов на вступление имеют следующие страны: Аргентина, Иран, Саудовская Аравия, Египет.

С присоединением Аргентины влияние БРИКС в стратегически важном регионе Латинской Америки только усилится. Страна, как и другие члены БРИКС, входит в G20 и имеет перспективную и развивающуюся экономику, а также большой ресурсный потенциал. Иран, как уже отмечалось выше, может продолжить налаживать сотрудничество со странами РИК и в рамках формата БРИКС, а вступление в формат этого государства может усилить влияние объединения в стратегически важном регионе Ближнего Востока, который находится в сфере интересов всех крупных держав мира. Саудовская Аравия – нефтяной гигант Ближнего

Востока – имеет огромное влияние на мировой арене, и его присоединение к формату очень сильно изменит существующий баланс сил: общий ВВП стран БРИКС будет практически соизмерим с общим ВВП стран коллективного Запада. Египет недавно вступил в НБР, а значит, не менее заинтересован в сотрудничестве с БРИКС, чем другие представленные страны. Выгодное географическое положение страны, её влияние на африканском континенте существенно повысят роль БРИКС в этом регионе. Учитывая то, что в 2023 году в БРИКС председательствует ЮАР, шанс на вступление одной из перспективных африканских стран очень велик. К тому же страны-члены БРИКС уже не раз высказывались в поддержку данной кандидатуры так же, как и Ирана и Аргентины.

По мере повышения интереса к формату БРИКС исследователями и СМИ в разное время предлагались варианты новой аббревиатуры БРИКС после вступления тех или иных членов, например, БРИКСТЕС – с присоединением Турции, Саудовской Аравии и Египта [4], БАРСИКИ – с присоединением Аргентины и Ирана [11] и др. В данном контексте, исходя из представленных выводов нашего исследования, можно предложить следующие возможные варианты: БРИКСАИС – с присоединением Аргентины, Ирана и Саудовской Аравии, БРИКСИА – с присоединением Ирана и Аргентины, БРИКСЕА – с присоединением Египта и Аргентины, БРИКСИ – с присоединением Ирана и др.

Вторым сценарием является расширение БРИКС путем развития взаимоотношений в формате БРИКС+ и БРИКС-аутрич.

Инициатива приглашения стран на заседания БРИКС была предложена ЮАР в 2013 году. Идея состояла в том, что председательствующие государства-члены приглашают на саммиты разные страны, входящие в зону их стратегических интересов, в формате БРИКС-аутрич. В 2013 году в момент председательства ЮАР состоялся диалог БРИКС и стран Африканского союза. В 2015 году Россия пригласила на саммит представителей ШОС и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В 2016 году Индия привлекала к диалогу представителей «Инициативы стран Бенгальского залива по Многоотраслевой Технико-Экономической Кооперации» (БИМСТЕК).

В 2017 году председательствующий в формате Китай предложил инициативу БРИКС+ и пригласил на саммит стран-представительниц различных развивающихся регионов – Египет, Таджикистан, Мексику, Гвинею, Таиланд. Идея БРИКС+ направлена на увеличение числа партнёров формата и «круга друзей» в целях создания эффективной платформы для сотрудничества развивающихся стран мира. В 2018 году в БРИКС председательствовала ЮАР. На саммит БРИКС+ были приглашены лидеры 18 африканских стран, а также главы Аргентины, Турции и Ямайки. В 2019 году в год председательства Бразилии лидеры отказались от проведения формата БРИКС+ по инициативе председательствующей стороны.

В момент предложения Китаем данного формата сотрудничества было отмечено, что оно не имеет обязательный характер и может быть инициировано только по решению страны-председателя. В 2020-2021 годах XII и XIII саммиты БРИКС проходили в онлайн формате из-за пандемии COVID-19 и форматы БРИКС+ и БРИКС-аутрич не использовались, т.к. весь акцент был смещен на решение глобальных экономических и иных проблем, в т.ч. основной темой была борьба с распространением вируса и разработка вакцины.

В 2022 году саммит БРИКС также проходил в формате видеоконференции, однако диалог в формате БРИКС+ всё-таки состоялся с участием следующих стран: от Африканского региона – Алжир, Египет, Сенегал и Эфиопия; от Юго-Восточной Азии – Индонезия, Камбоджа, Малайзия, Таиланд; представитель Латинской Америки – Аргентина; от Центральной Азии – Казахстан, Узбекистан; представитель Ближнего Востока – Иран; представитель Океании – Фиджи. Стоит отметить, что Китай с 2017 года традиционно приглашает на саммиты под своим председательством (2017, 2022) представителей всех ключевых геополитических регионов мира, и, вероятно, в ближайшие годы данная тенденция будет только развиваться.

В 2023 году страной-председателем является Южно-Африканская Республика, и, судя по вышеупомянутым высказываниям посла в РФ М. Макетуки, можно предположить, что на саммит БРИКС+ в этом году будут приглашены представители всех 13 заинтересованных в вступлении в формат стран, а также продолжится диалог с Африканским союзом и представителями африканских стран. Идея интеграции в формате БРИКС+ активно развивается уже с момента создания объединения, т.к. каждая страна-участница формата представляет свои различные региональные объединения, в которых она является лидером: для РФ – это ЕАЭС, для Китая – ШОС, для Бразилии – МЕРКОСУР, для Индии – СААРК, для ЮАР – Африканский союз и САДК. Судя по последним саммитам БРИКС+ и привлечению представителей других ведущих региональных организаций, уже в ближайшее время с присоединением новых членов к формату возможен диалог в формате БРИКС – АСЕАН, БРИКС – ЛАГ, БРИКС – СНГ, БРИКС – ССАГПЗ и др.

Третьим сценарием является гибридный сценарий, при котором одновременно расширяется основной состав БРИКС и развивается формат взаимоотношений БРИКС+.

Несомненным плюсом данного варианта расширения БРИКС служит охват практически всех геополитических регионов мира, т.к. будет решена проблема представленности участников конкретных регионов. Наиболее развитые страны-члены так называемого «ядра БРИКС» будут представлять свои региональные организации и включать в состав БРИКС+ представителей данного региона. Например, с присоединением Саудовской Аравии к формату БРИКС можно будет подключить к диалогу БРИКС+ страны ССАГПЗ.

Однако данный сценарий имеет и существенный минус, т.к. появится очень много сложностей с распределением стран, которые будут включены в состав и с которыми будет происходить взаимодействие в формате БРИКС+.

Таким образом, проанализировав возможные сценарии расширения БРИКС, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, формат БРИКС в последние годы обрёл большую популярность и имеет огромные перспективы развития, т.к. крупнейшие страны мира заинтересованы во вступлении в объединение.

Во-вторых, странами-членами БРИКС ещё не были оформлены основные критерии и принципы для присоединения к формату новых стран-членов, а также не доработаны основы взаимодействия в формате БРИКС+. Данные вопросы будут обсуждаться уже совсем скоро на юбилейном XV саммите БРИКС в ЮАР. В условиях турбулентности миропорядка и новых вызовов государства-члены БРИКС серьезно обсуждают вопросы укрепления позиций объединения, его расширения и институционализации.

В-третьих, по нашему мнению, крупного расширения БРИКС ожидать не стоит, т.к. это может нарушить принцип консенсуса и баланса в объединении. В первую очередь в состав формата будут включены ведущие страны на мировой арене, которые имеют стратегически важный ресурсный и экономический потенциал (например, представители G20 – Аргентина, Саудовская Аравия и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беленькая А. А. Страны БРИКС: перспективы расширения и экономические последствия // Мировая экономика в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Москва, 07 декабря 2017 года / Отв. ред. И. А. Айдрус. – Т. 2. – М.: Российский университет дружбы народов, 2018. – С. 17–21.
2. БРИКС может расширяться поэтапно [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/article/1833409> (дата обращения: 27.03.2023).
3. БРИКС+: ответ глобального Юга на новые вызовы (в контексте китайского председательства в БРИКС) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/files/41948> (дата обращения: 27.03.2023).
4. БРИКСТЕС вместо БРИКС – почему расширение организации важно именно сейчас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://az-sputniknews-ru.turbopages.org/az.sputniknews.ru/s/20220719/brikstes-vmesto-briks---pochemu->

- rasshirenie-organizatsii-vazhno-imenno-seychas-444041089.html (дата обращения: 27.03.2023).
5. Володина А. Д. Перспективы расширения БРИКС и создание новой резервной валюты в современных условиях // Развитие современной экономики: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей V Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 декабря 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2022. – С. 63–66.
  6. Всемирный банк. ВВП. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.CD> (дата обращения: 27.03.2023).
  7. Индекс доверия ПИИ 2022 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kearney.com/foreign-direct-investment-confidence-index> (дата обращения: 27.03.2023).
  8. Индекс человеческого развития. Отчёт 2021-2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22> (дата обращения: 27.03.2023).
  9. Ли Ц. Состояние и перспективы международного сотрудничества в рамках «БРИКС+» // Управленческое консультирование. – 2020. – № 3(135). – С. 110–120.
  10. Мзувукиле Макетука: даже ребенок в ЮАР знает, кто такой Путин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230122/maketuka-1846387820.html> (дата обращения: 27.03.2023).
  11. Панорама БРИКС. БРИКС в январе-июне 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/blogs/mihail-lavrov/brics-january-june-2022/> (дата обращения: 27.03.2023).
  12. По кирпичу: Иран и Аргентина подали заявки на вступление в БРИКС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1356676/kseniia-loginova/po-kirpichu-iran-i-argentina-podali-zaiavki-na-vstuplenie-v-briks> (дата обращения: 27.03.2023).
  13. Попова Н. В. Перспективы развития объединения «БРИКС плюс» // Россия и современный мир. – 2018. – № 2(99). – С. 110–118.
  14. Семенова А. Н. Перспективы расширения межгосударственного объединения – БРИКС // Приоритеты социально-экономического развития Евразийского пространства: сборник статей Международной научно-практической конференции, Казань, 11 мая 2018 года. – Казань: ООО «ОМЕГА САЙНС», 2018. – С. 61–65.

15. Тютикова К. И. История становления БРИКС: Формирование организации и перспективы расширения числа участников // Интернаука: электрон. научн. журн. – 2022. – № 5–2(228). – С. 26–28.

МАНЬЧЕВ Р. В.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу становления частных военных компаний, их роли в урегулировании конфликтов на африканском континенте, а также нормативных подходов к определению роли ЧВК в международном праве. Автор приходит к выводу о том, что деятельность ЧВК в нормах международного права прописана недостаточно.

Ключевые слова: частная военная компания, Африка, «группа Вагнера», наемничество, международное право.

MANCHEV R. V.

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF PRIVATE MILITARY COMPANIES ON THE AFRICAN CONTINENT

Abstract. The article is devoted to the analysis of the formation of private military companies and their role in resolving conflicts on the African continent. The normative approaches to determining the role of PMCs in international law are studied. The author comes to the conclusion that the activities of PMCs in the norms of international law are not sufficiently defined.

Keywords: private military company, Africa, “Wagner Group”, mercenary activity, international law.

Влияние частных военных компаний на современный мир огромно и постоянно возрастает. Еще несколько десятилетий назад в большинстве стран мира основным источником защиты интересов страны были вооруженные силы, которые комплектовались по призыву или на контрактной (профессиональной) основе.

Но в настоящий момент весомый вклад в разрешение вооруженных конфликтов вносят неправительственные структуры. Пробразы частных военных компаний зародились в античную эпоху. Первое упоминание наемных военных датировано IV веком до н.э, когда греки из одних и тех же городов сражались как за Персию, так и за Македонию. Достаточно большое количество наемников было в Древнем Египте и в Карфагене.

В XIX веке услугами наемных бойцов пользовался французский король Луи-Филипп I. В то время Франции активно осуществляла колонизацию территорий Африки. Из-за того, что собственных военных ресурсов было недостаточно, французский король создал армию эмигрантов. Позднее это переродилось в армию «Иностранный легион». Они получали хорошее жалование, к тому же у них была перспектива получения французского гражданства. Важно отметить, что данное подразделение не могло применяться в военных действиях на

территории Европы, а только в колониях. Таким образом, «Иностранный легион» является прообразом современных ЧВК [5].

Особенности ЧВК как военного инструмента встречаются в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Например, проблемы юридического регулирования деятельности компании затрагиваются в работах А. А. Козиной [3] и О. В. Скоробогатовой [4]. В частности, отечественными исследователями делается акцент на истории развития военных компаний: данная проблема поднимается Ю. А. Веселовым [2]. По мнению ученых, особым спросом пользуются услуги ЧВК в Африке: на этом делают акцент В. П. Мисеюк [5] и В. Р. Филиппов [6].

По мнению Я. Д. Банадыкова, у частных военных компаний есть как преимущества, так и недостатки. Например, в качестве положительных характеристик он выделяет:

- 1) высокий профессионализм военного контингента, бывших профессиональных военных, ушедших из регулярной армии;
- 2) отсутствие проблем, связанных с социально-психологическим характером (не учитывается численности погибших в конфликте, не будет общественного резонанса);
- 3) непредвзятость бойцов ЧВК к религиозным конфессиям, национальным меньшинствам и т.д. [1, с. 126].

В качестве негативных черт Банадыков выделяет:

- 1) полное искажение статистики численности личного состава ЧВК, его потерь в ходе военных конфликтов;
- 2) нередкие случаи жестокости «специалистов» ЧВК наносят вред имиджу не только регулярной армии, но и государству в целом [1, с. 127].

США пользовались услугами частных военных подрядчиков еще во время Второй мировой войны. Их главная задача заключалась в том, что они не участвовали в боевых действиях, а только обслуживали действующую армию: доставка провизии, ремонт танков, самолетов и кораблей, оказание медицинской помощи раненым.

Основной период расцвета ЧВК приходится на вторую половину XX века. В годы холодной войны для выполнения государственных целей частные военные компании были созданы в США, Великобритании и других государствах Запада.

Послевоенное время является расцветом ЧВК. Развитию данной тенденции способствовали две причины. Во-первых, после мировых войн возникло противоборство двух держав: с одной стороны, СССР и страны социалистического блока, а с другой – США и государства капиталистического блока. В данных условиях США активно начали привлекать ЧВК для реализации геополитических целей и задач. Во-вторых, большое количество «бывших солдат» не смогли найти себя в «гражданской жизни», поэтому начали появляться

частные военные компании, которые предлагали свои услуги, пользовавшиеся большим спросом [4].

Одной из первых компаний современного вида является «Watchguard International». Она была создана в 1967 году полковником британской армии Дэвидом Стерлингом. Первостепенным направлением являлось обслуживание интересов стран-союзников, а также международных организаций. Данная компания прекратила свое существование в 1972 году.

В связи с тем, что произошел резкий рост числа компаний, для них необходимо было утвердить нормы права. В современном международном праве слово «наемник» было закреплено только в 1977 году. Статья 47 в Дополнительном протоколе I Женевской конвенции говорится о том, что для наемников характерно: отсутствие принадлежности к личному составу стороны, которая участвует в конфликте; невыполнение официально возложенной на него третьей стороной, не участвующей в конфликте, функции лица, входящего в состав вооруженных сил. Акцент делается на том, что основной целью наемника является получение прибыли, материального вознаграждения. Согласно Женевским конвенциям, человек, участвующий в конфликте за вознаграждение, не имеет право рассчитывать на статус военнопленного или комбатанта. Тем самым, наемник является лицом, на которое не распространяется юрисдикция международного права [4, с. 45].

Конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников определяет наемника как участника по свержению правительства или подрыву государственного суверенитета.

В настоящий момент профессиональные военные объединяются в сообщества, основной целью которых является получение прибыли за участие в военных конфликтах, за выполнение целей, поставленных нанимающей стороной. В основном специалисты ЧВК – это бывшие профессиональные военные, которые вышли на пенсию, завершили профессиональную военную службу [4, с. 46].

По мнению исследователей, в настоящий момент использование частных военных компаний государству выгоднее, чем содержание постоянной армии. Ведь современные войны – скоротечны и финансово затратны из-за дороговизны вооружения.

Основным полем деятельности ЧВК являются Африканский континент и страны Ближнего Востока. Всего в настоящий момент частных военных компаний, по мнению экспертов, существует около 3000. Они выполняют заказы в 60 странах мира.

Особым спросом услуг ЧВК пользуются африканские государства. Например, в борьбу за независимость Биафры от Нигерии в 1960-е годы впервые были вовлечены бывшие солдаты европейских государств. Французские и британские наемники, которые приняли сторону Одумегву Оджукву, оказались довольно в затруднительном положении, т.к. они должны были

боротся с хорошо вооруженной и подготовленной армией. Поддерживало государство Биафра только французское правительство, поэтому наемники в большинстве случаев обладали французским паспортом.

Самым известным французским наемником был Боб Денар, он начал свою «карьеру» в Конго против сторонников Патриса Лумумбы. Он так же в качестве советника участвовал в конфликтах в Габоне, Гвинее, Нигерии и на Коморских островах (на протяжении пятнадцати лет был командующим президентской гвардией, впоследствии принял ислам).

Кроме французского следа, немаловажный отпечаток оставили британские наемники. Например, Майк Хоар, который являлся майором танковых войск, после отставки из британской армии отправился наемником в Конго, участвовал в боевых действиях на стороне Моиза Чомбе, получил прозвище «Сумасшедший Майк» [3, с. 296].

В 1990-е годы наемные специалисты начали повсеместно принимать участие в военных конфликтах на африканском континенте. В настоящий момент присутствуют американские, французские, российские, украинские ЧВК. Большой след в разрешении военных конфликтов оставила компания «Executive Outcomes». Она была основана в 1989 году полковником Южноафриканской армии Ибеном Барлоу. Основной контингент данной компании составили белые южноафриканцы, которых выдворили из ЮАР после краха режима апартеида. Данная организация предотвратила попытку государственного переворота в Сьерра-Леоне. В дальнейшем из-за разногласий между лидерами компании, она распалась [2, с. 26].

Помимо европейских ЧВК, на африканском континенте предлагают свои услуги и российские компании. Например, ЧВК «Вагнер», которая была создана в 2014 году известным российским бизнесменом Евгением Пригожиным. По некоторым источникам, ее основателем является Дмитрий Уткин (позывной «Вагнер»). Она не имеет официального юридического статуса, и преобразовалась из организации «Славянский корпус», которая базировалась в Гонконге. Данная компания, начиная с 2015 года принимала активные боевые действия в Сирийском конфликте.

Помимо этого, бойцы ЧВК «Вагнер» участвуют в разрешении конфликтов стран Африканского континента. В Мали российская компания оказывает услуги защиты и охраны правительству государства. Они ведут борьбу против исламистских группировок «Исламское государство» и «Аль-Каида» (признаны террористическими организациями, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации). По некоторым источникам, ЧВК «Вагнер» осуществляет военное обучение и подготовку армии Мали, получая гонорар в размере 11 миллионов долларов США.

Такую же подготовку бойцов «вагнеровцы» (или, как их называют в СМИ, «музыканты») осуществляли на территории Центральноафриканской Республики (ЦАР). По

мнению В. Р. Филиппова, в ЦАР было направлено около 1,4 тыс. российских специалистов, которые обеспечивали охрану президента Центральноафриканской Республики и его антиколониального антифранцузского режима [6].

В декабре 2017 года бойцы «Вагнера» выступили в поддержку правительства Судана и президента Омара аль-Башира, защищая его интересы в гражданской войне.

Помимо этого, бойцы ЧВК «Вагнер» обеспечивают охрану российскому бизнесу в Африке. «Вагнеровцы» охраняют объекты «Росатома», «Лукойла», «Ренова» и других компаний.

Таким образом, в настоящий момент активно развивается рынок частных военных компаний. Если в 1990 году их насчитывалась около ста пятидесяти, то сейчас их уже более трех тысяч. Все больше государств отказываются от традиционных армий и прибегают к услугам ЧВК и наемных специалистов. Сегодня частные военные компании являются серьезным актором международных отношений. В их задачи входит участие в боевых действиях, проведение специальных военных операций, охрана ресурсов и государственных лиц, логистические услуги, а также услуги по поставке вооружения регулярной армии в случае военного конфликта.

Однако, к сожалению, данный рынок почти никак не регулируется международным правом. Поэтому не вызывает сомнения необходимость в самое ближайшее время создать те нормы, которые будут регулировать и координировать деятельность ЧВК в глобальном масштабе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банадыков Я. Д. Значение ЧВК в новых войнах // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы V Международной научной конференции / Под общей редакцией С. В. Беспаловой. – Донецк, 2020. – Т. 9. – С. 125–128.
2. Веселов Ю. А. История и роль ЧВК в современной мировой политике // Мировая политика. – 2021. – № 3. – С. 19–40.
3. Козина А. А. К вопросу о статусе и функциях частных военных компаний // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2018. – Т. 2. – С. 295–301.
4. Кокамбо Ю. Д., Скоробогатова О. В., Кузнецова К. Е. Наемничество и частные военные компании в контексте современного международного и российского права // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 86. – С. 44–47.

5. Мисеюк В. П. Участие частных военных компаний в современных военных конфликтах и проблемы регулирования их деятельности // Аллея науки. – 2022. – Т. 1. – № 3(66). – С. 622–630.
6. Филиппов В. Р. Центральноафриканская Республика: противостояние Кремля и Елисейского дворца // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2019. – № 1. – С. 124–143.

МАРТЫНОВ В. В.

ЯПОНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Аннотация. В статье рассматривается развитие японской политической культуры в различные исторические периоды. Политическая культура Японии характеризуется значительным упором на достижение консенсуса, групповую гармонию и уважение к власти. Также данная политическая культура по-прежнему определяется культурными традициями и историческим наследием, которые продолжают влиять на политические институты страны и процессы принятия решений.

Ключевые слова: Япония, политическая культура, политика, дипломатия, японцы, государство.

MARTYNOV V. V.

JAPANESE POLITICAL CULTURE

Abstract. The article examines the Japanese political culture in various historical periods. Japan's political culture is characterized by a strong emphasis on consensus building, group harmony and respect for authority. Also, this political culture is still determined by cultural traditions and historical heritage, which continue to influence the country's political institutions and decision-making processes.

Keywords: Japan, political culture, politics, diplomacy, Japanese, state.

Американский политолог В. Розенбаум отмечал, что политическая культура представляет собой некоторые модели поведения и ориентации в политике, причем, данные модели являются смыслом политики в целом. Исследователи всего мира считают Японию отдельно сформировавшейся цивилизацией, которая в определённый момент, несмотря на не самое выгодное территориальное положение, сумела создать свой культурный пласт.

Авторы рассматривают различные аспекты японской политической культуры. В. Потёмкин непосредственно занимался изучением взаимодействия культуры и политики в японском обществе [5]. Основы японской политической культуры изучал в своей научной работе Т. Иногути [1]. Проблематика симбиоза патримонильных и рациональных тенденций в эпоху Мэйдзи изучалась А. Н. Мещеряковым [2]. А. А. Накорчевский занимался изучением синто как основополагающего элемента традиции и культуры Японии [3]. Детальное изучение политической системы современной Японии прослеживается в трудах Д. В. Стрельцова [4] и С. В. Чугрова [6].

Новизна данной работы состоит в исследовании уникального сочетания традиционных и современных элементов, которые сформировали политические взгляды и поведение в

историческом и культурном контексте Японии.

Говоря о зарождении политической культуры Японии, важно отметить период раннего Средневековья. Уже в тот период обнаруживается специфика не только географических, но и климатических условий, что обеспечило на долгие века консерватизм и более чем нейтральное отношение к каким-либо политическим моделям участия.

Применительно к Японии часто упоминается так называемая культура тайфунного типа, которая включает в себя готовность к серьёзным проблемам. Японцы, подобно муравьям, коллективно и качественно выполняют повседневную работу, будто бы никакого потрясения не случилось. Именно дисциплинированность японцев в последующем сложилась в послушание и строгое исполнение законов. Например, некоторые японские ученые полагают, что местная культура существует как «островная» форма культуры Китая.

Существенные изменения в политическую культуру были внесены «реформами Тайка», которые представляют по большей части социальные и политические преобразования истории древней Японии в VII-VIII вв. Своё название данные реформы получили ввиду Великой трансформации, также известной как эпохи имперского правления Тайка [4, с. 12].

Следующим периодом, который также представляет особую значимость для политической культуры современной Японии – эпоха Мэйдзи, в рамках которой с 1868 до 1912 года непосредственно формируется модель вестернизации, направленная на превращение феодальной Японии в современное государство.

Действительно, первая конституция Японии 1889 года, главным образом, укрепила монархический строй в стране. На этом же этапе прослеживается начало некоторой гибридной политической культуры страны восходящего солнца. Данный период как в японских, так и в российских источниках называется «первой интернационализацией» Японии, поскольку в момент явной угрозы, заключающейся во внешней экспансии врага, в стране возникла контридеология экспансии [1, с. 89].

Сразу же после первой волны модернизации незамедлительно происходят ещё две. «Вторая интернационализация» привносит явный пересмотр практически всей структуры политических ценностей, что было связано с поражением в войне в 1945 году. Стремительный переход Японии был аккумулирован опытом передовых на тот момент демократических государств. Несомненно, что данный курс проводился в интересах американского режима, который вполне можно было назвать оккупационной модернизацией сверху. Эти действия полностью уничтожили милитаризм, но сумело воздвигнуть свободное мышление и вероисповедание, а также уважение главных прав человека. Благодаря данной политике и сохранению архетипа патернализма США до сих пор рассматривается большинством японцев как некий старший брат, который оберегает Японию [4, с. 18].

Сейчас всё больше говорят о волне третьей интернационализация в Японии. Она связана с реакцией на экономические кризисы прошлого века и осознанием важности решения проблем, связанных с глобализацией. Тот факт, что государство является подготовленным к глобализации, создало проблему сложности включения господствующей политической культуры Японии в общее массовое сознание. Ответом на данный вызов послужил политический курс государства, который был направлен на скорейшую адаптацию к принципам глобализации.

Здесь же следует упомянуть реформу системы образования Японии, целью которой являлось формирование космополитной и максимально нейтральной личности, но самое главное – сохранением национальной самобытности в современном мире с сильнейшей стандартизацией ценностей личности. Тут важно сказать о симбиозе традиций – национальной и западной («японского духа» и «европейской учености»). Данное сочетание сформировало гармонию, которая открывает путь японской пассионарности – некий ключ к двери, за которой спрятано экономическое чудо Японии [4, с. 21].

Важнейшим фактором в формировании структуры современной политической культуры Японии является этническая однородность японского общества: иные этносы в Японии на сегодняшний момент составляют 1-2 % населения. Также отметим, что некоторую специфику японской политической культуры привносит синкретизм духовной культуры. Действительно, на сегодняшний день не утрачивают своего влияния традиции культуры и религии синто, буддизма, конфуцианства. В одном из догматов синто говорится о божественном происхождении императорской власти, что непосредственно влияло на политическую культуру Японии со второй половины XIX века до завершения Второй мировой войны. Синтоистские верования формируются путем слияния мифологии с конфуцианскими этическими принципами, подчеркивая значимость проявления уважения и послушания начальству: особенно послушания сыновей своим отцам. Основные принципы можно упростить как преемственность божественных существ в японской культуре [3, с. 374.]. В этой идеологии японский император, олицетворявший богиню Аматерасу, почитался как бог.

Япония всегда считалась семейным государством, где император и его подданные были тесно связаны взаимной любовью. Вера в то, что японцы обладают божественным духом, давала им уникальную цель и веру в превосходство над другими странами до их поражения в войне на Тихом океане. После реставрации Мэйдзи в 1868 году, когда была реставрирована имперская власть, одним из первых указов нового правительства было восстановление единства ритуала и государственного принципа [2, с. 214].

Также важно отметить момент фестивальности – некой обрядности и церемониальности самих выборов в законодательные органы. Синтоистские обряды, в

которых принимает участие сам император, приобрели характер государственных церемоний. Ритуальность японской политической культуры является ее незаменимым инструментом и в современности.

Особенностью воздействия конфуцианства на политическую культуру Японии является идея о бесконфликтном управлении, патернализме и преданности, которая выражалась в форме единой добродетели и заключалась в принципах бусидо – кодекса чести, которому следовали самураи во время войны. Один из самых влиятельных конфуцианских философов Юго Сорай (1666–1728) сформулировал принцип поглощения личного общественным, который стал характерной чертой политической культуры в период Токугава. Была создана уникальная социальная система, основанная на институте *ie* (дома). Эта система имеет сходство с древнегреческим полисом: она напоминает большую расширенную семью, но также недоверчива к посторонним. Данную систему Вебер охарактеризовал как патримониальную. Как правило, в такой системе существует явное преобладание личностного характера взаимосвязей между «правителем» и чиновниками, где власть считается личной привилегией, за которую платят преданностью не только государству, но и лично правителю.

В современном мире всё чаще можно наблюдать симбиоз патримониальных и рациональных отношений [6, с. 107]. Например, если в европейской социокультурной парадигме возможно наблюдать конкретику в разделении публичного пространства и личного, то в Японии личное подразумевает область реализации общих интересов. Одним из важнейших правил буддизма, оказавших сильное влияние на политическую этику и культуру Японии, является принцип пратитья-самутпада, также известный как принцип взаимозависимого совместного возникновения. По данному принципу все в нашем мире взаимосвязано и взаимообусловлено, т.е. благополучие одного человека либо группы связано с благополучием окружения.

Тут же выявляется и неопределённость в различии японского коллективизма и коммунитарного мышления, что и в нынешнее время влияет на ценности японского политического курса. Японское мировоззрение, сформированное синтоистско-буддийско-конфуцианской идеологией, рассматривает мир как совершенный и постоянно меняющийся. Эта точка зрения приводит к тенденции краткосрочного прагматизма в политическом поведении Японии, поскольку считается, что правила и законы могут меняться в зависимости от контекста. Точно так же японцы преуспевают в планировании на краткосрочную перспективу, но проявляют нежелание строить долгосрочные планы и прогнозы. Это проявляется и в их политической культуре, где, как представляется многим, отсутствует четкая политическая программа и стратегия.

Своеобразие японской политической культуры и цивилизации заключается в их

ориентации не только на человека, но и на взаимосвязь человечества и космоса. Возникновение смыслов японской цивилизации формируется вне человеческой личности [1, с. 85]. Для подробной характеристики японской коммуникации (как ключевой составляющей политической культуры) довольно часто используется понятие «амаэ», которое заключается в том, чтобы полагаться на других для эмоциональной поддержки. Эта концепция, глубоко укоренившаяся в японской культуре, состоит в гипертрофированной помощи другим. Обратной же стороной является ненастойчивость в реакции других. Амаэ образует фундамент иерархии японским систем. Даже во время международных переговоров можно отметить тот факт, что японские дипломаты обеспокоены эгоцентричным подходом американцев и изо всех сил пытаются донести проблемы своей страны, надеясь на сочувствие других стран в отношении их видения системы международных отношений. Можно утверждать, что в системе японской дипломатии присутствует тенденция к частому упоминанию этических норм в международных отношениях.

Для японской политической культуры характерно такое построение мышления, при котором и утверждение, и отрицание не могут быть истинными одновременно по закону противоречия. В данной концепции прослеживается влияние догм буддизма и самой культурной традиции, которая характеризует всё сущее как неделимое целое. В японском политическом курсе одно плавно и вполне естественно перетекает в другое, воплощая своеобразную идеограмму «инь» и «ян». В политической сфере японский менталитет включает способность созидания, в то время как, например, американский тип мышления базируется на анализе. Целостное восприятие является естественным для японцев не только в политической культуре, но и во всем других сферах жизни.

В заключение отметим, что японская политическая культура в современной системе международных отношений подчеркивает важность сотрудничества, дипломатии, соблюдения международных норм и правил. Япония разработала основанную на консенсусе высокоорганизованную политическую систему, которая ценит стабильность, экономический рост и взаимодействие с международным сообществом. Однако историческая напряженность и споры с соседними странами, а также опасения по поводу военного потенциала также продолжают формировать внешнеполитические решения Японии.

В целом Япония остается важным игроком на международной арене, приверженным укреплению мира, стабильности и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе и за его пределами. Также очень важно сказать, что японская политическая культура очень адаптивна и восприимчива, поэтому рассмотрение различных аспектов, выходящих за рамки коллективизма и индивидуализма или конкуренции и подчинения, может раскрыть ее изменяющееся лицо через внутренние и внешние преобразования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потемкин В. Взаимодействие культуры и политики в японском обществе // Власть. – 2008. – №. 2. – С. 52–55.
2. Иногути Т. Политическая культура Японии // Ежегодник Японии. – 2017. – Т. 46. – С. 76–96.
3. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. – М.: Наталис, 2009. – 735 с.
4. Накорчевский А. А. Синто. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 443 с.
5. Политическая система современной Японии / Под ред. Д. В. Стрельцова. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 384 с.
6. Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. – М.: Восточная литература, 2010. – 309 с.

ГЕРАСИМОВ Н. Д.
АНАЛИЗ РЕКЛАМНОЙ КАМПАНИИ Д. ТРАМПА
НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В США 2020 ГОДА

Аннотация. В статье анализируется рекламная кампания Д. Трампа на президентских выборах в США 2020 года. Исследовательская методология основывается на методе case-study: в качестве отдельного случая взяты рекламные ролики, являющиеся политическим продуктом Д. Трампа. Результатом исследования является выявление характерных сюжетных линий в рекламе, в частности, использования методов «навешивание ярлыка», «игра злостными кличками» и др.

Ключевые слова: электоральные процессы, политическая реклама, убеждающая коммуникация, президентские выборы в США, Дональд Трамп, Джо Байден.

GERASIMOV N. D.
AN ANALYSIS OF DONALD TRUMP'S ADVERTISING CAMPAIGN
FOR THE 2020 U.S. PRESIDENTIAL ELECTION

Abstract. This article analyzes the advertising campaign of D. Trump in the 2020 U.S. presidential election. The research methodology is based on the case-study method: commercials, which are a political product of D. Trump, are taken as a separate case. The result of the study is the identification of characteristic storylines in advertising, in particular the use of methods of "labeling", "bad name game", etc.

Keywords: electoral processes, political advertising, persuasive communication, US presidential election, Donald Trump, Joe Biden.

Политическая реклама по-прежнему является одной из эффективных технологий позиционирования и продвижения субъектов избирательных кампаний. Однако рекламная деятельность становится все сложнее: рекламистам и маркетологам приходится искать новые идеи, методы и техники, способные заинтересовать потенциальную целевую аудиторию кандидата. Традиционными лидерами в области инноваций и инсайтов в рамках электоральных технологий являются Соединенные Штаты Америки, что актуализирует заявленную тематику.

Цель данной публикации – анализ рекламной кампании Дональда Трампа на президентских выборах в США 2020 года

Данное проблемное поле активно изучалось в работах Д. А. Ереминой [3], А. А. Филиппенко [7], А. В. Братерского [1] и др.

Особенностью выборов в США является то, что избирательная гонка начинается за несколько лет до начала самой предвыборной кампании [6, с. 48]. Кандидаты занимаются фандрайзингом, заручаются поддержкой своей партии, а также выигрывают первичные выборы. Также необходимо получить достаточное количество делегатов на съезд национальной партии, которая выдвигает победителей на пост президента США. Кампания по выборам 2020 года началась после присяги 116-ого созыва конгресса США. Тогда, 20 января 2017 года, действующий президент Дональд Трамп подал документы на переизбрание.

В США очень редко появляются «третьи партии», т.е. если вы не являетесь кандидатом от Демократической или Республиканской партии, то фактически не сможете претендовать на пост президента [7, с. 52].

Контекстом выборов 2020 года являлась пандемия Covid-19 и её последствия для всех сфер жизни общества. Самой рекламы на этих выборах стало заметно больше по причине ограничения возможностей встречи с избирателями на привычных политических мероприятиях [1], поэтому затраты на рекламную кампанию возросли. В этом избирательном цикле, по информации The Hill, траты на политическую рекламу составили 6,7 млрд. долларов США. Для сравнения: в 2016 году затраты составили 4,4 млрд. долларов США [12]. По данным другого аналитического центра «Center for Responsive Politics», избирательный цикл обошёлся в 10,8 млрд. долларов США, что по затратам на 4,5 млрд. долларов США больше избирательного цикла 2016 года [5].

Политическая кампания Д. Трампа 2020 года частично повторяет предыдущую 2016 г. Изменением стала корректировка лозунга 2016 года «Сделаем Америку снова великой». Трамп решил закрепить и пролонгировать достигнутые успехи новым слоганом: «Сохраним Америку великой». Для американцев идея «Великой Америки» заключается преимущественно в экономике, уровне жизни населения, образовательной системе и т.п. Внешнеполитический курс не оказывает значительного влияния на электорат [3, с. 24].

В 2016 году президент США Д. Трамп характеризовал себя как человека без политического опыта, но хорошего управленца и воплощение «американской мечты». В 2020 году имидж кандидата строится на достижениях его президентства, среди которых выделяют борьбу с терроризмом, экономическим кризисом, вызванным пандемией, и экономическую гонку с Китаем» [2]. Хотя рейтинг одобрения деятельности Дональда Трампа и его администрации падал, в январе 2018 года 45% американцев были довольны работой президента, а 8% воздержались от ответа. В январе 2020 первый показатель снизился до 44%, при этом рейтинг неодобрения вырос на 8% и стал равен 53% [3, с. 25].

На выборах 2020 года превалировала «агрессивная» и «атакующая» реклама с характерной критикой оппонента, содержанием которой являются заявления об ошибках политики как Д. Трампа, так и Д. Байдена [1]. «Эффект первичности» рекомендует первым «атаковать рекламой» своего оппонента.

Общая тема в рекламе кандидатов – это упоминание в негативном свете Китайской Народной Республики как политического оппонента. Похожая тенденция проявила себя ещё в 2016 году, в частности, в инфоповодах команды Хиллари Клинтон. Активно использовался политический миф о «связях Трампа с Россией, Кремлём или лично президентом России В. В. Путиным». Для оправдания поражения команды Клинтон в дальнейшем применялся миф о «вмешательстве в выборы США русских хакеров». Преимущество этого подхода наблюдается и в обвинениях о «подтасовке» демократами результатов выборов.

Телевидение, несмотря на популярность сети Интернет, остается главным источником размещения рекламных роликов кандидатов, так как оно дает больший демографический охват [8]: в частности, его смотрит более возрастная аудитория. В США 47% всех затрат на политическую рекламу приходится на телевидение штатов. На цифровые медиа было выделено 21 % от всех затрат. Размещение рекламы в социальных сетях, например, Facebook, стоило почти в два с половиной раза меньше, чем на ТВ: такая реклама даёт преимущество за счёт таргетированности, что повышает эффективность [8]. Политическая реклама в Интернете позволяет собирать данные о пользователях, просмотревших информацию, чтобы:

а) лучше адаптировать ту или иную рекламу под целевую аудиторию;

б) обращаться к аудитории с просьбой о пожертвованиях или о конкретных политических действиях.

Реклама в социальных сетях делает возможной прямую связь избирателя с кандидатом, а также персонализирует конкретные политические высказывания или сообщения [1]. Д. Трамп являлся активным пользователем социальной сети «Twitter» на момент выборов. Его аккаунт обладал большой популярностью, высоким уровнем цитирования и «ретвитов».

Публикуемые сообщения Д. Трампа распространяются другими пользователями и цитируются различными СМИ во всём мире, формируя глобальный политический дискурс [1]. Как отмечают пользователи и исследователи, именно Трамп в 2016 году повлиял на «второе политическое рождение» социальной сети «Twitter» [1].

Дональд Трамп в своей рекламе активно использовал мифы. Например, что «Джо Байден является марионеткой в руках китайского правительства и лично Си Цзиньпина». Рекламный ролик «Biden stands up for China» [10] обращает внимание на слова Байдена о

Китае: «Они не плохие люди», «В наших интересах, чтобы Китай процветал» и др. Акцент на проступках и просчётах в политике 47-ого вице-президента США (эту должность Байден занимал с 2009 по 2017 год) по отношению к КНР создаёт когнитивный диссонанс относительно как политики Байдена, так и его взглядов. В видеоролике сообщается также о тесных связях Китая с семьей оппонента Трампа, а именно о сделке Хантера Байдена на 1 миллиард долларов США с дочерней структурой банка Китая. Заканчивается ролик запоминающимся и популистским девизом о том, что «Байден опасен для Америки».

Видео не имело особой популярности среди избирателей, о чем свидетельствует статистика: 500 000 просмотров, а соотношение лайков к дизлайкам – 11:4 на момент окончания выборов в США (нормальным соотношением считается 10:1 и больше). Комментарии были отключены в виду опасности конструктивной критики со стороны сторонников Джо Байдена. Задача видеоролика – это вызов нерационального политического действия со стороны избирателя.

Другой ролик Д. Трампа – «With Joe Biden, China Is In Charge» [16] – также апеллирует к политическому мифу: «Байден уничтожает рабочие места в США во благо Китая». Зрителю демонстрируют упадок США в области качества жизни населения и обеспечения работой. Акцентуация делается на надписи «Made in China», а затем электорату демонстрируют отрывок из речи Джо Байдена: «We want to see China rise» (что переводится как: «Мы хотим видеть подъём/расцвет Китая»). Политтехнологи Трампа используют слова Байдена, который отрицает наличие связей с КНР, а затем показывают «другую реальность», где Байден или его семья иницируют сделки с Китаем. В заключительной части видео – Д. Байден поднимает бокалы вместе с Си Цзиньпином. Видеоролик заканчивается популистским лозунгом «Китай опасен для Америки». Логика такова, что зрителю пытаются навесить ярлык восприятия: «если Китай опасен для Соединённых Штатов, то и Байден из-за наличия связей с КНР опасен для США».

Видеоролик «With Joe Biden, China Is In Charge» получил широкий охват, набрав около 20 млн. просмотров. По статистике лайков и дизлайков (96 тыс. к 89 тыс.) мы можем видеть некий паритет между сторонниками Трампа и Байдена. Комментарии, как и в случае с первым роликом, отключены.

Видео «The Joe Biden They Are Hiding From You» [13] («Джо Байден, которого от нас скрывают»), набравшее 20 млн. просмотров с соотношением лайков к дизлайкам в пользу Трампа (134 тыс. к 81 тыс.) на момент окончания выборов повествует о расистских высказываниях Байдена: например, «Бедные дети такие же умные и талантливые как белые дети» или «Мои демократические коллеги все любят меня, говоря это, я думаю, что

двухпартийная система хороша для юга, и хорошая для негров («негро» – оскорбительное выражение для афроамериканцев), и хороша для чёрных» [13]. Т.е. в данном случае используются приемы «игра злостными кличками» и «магия слов». Для закрепления эффекта и создания нужных ассоциаций в сознании избирателя применяется визуализация: на фоне высказываний демонстрируются фотографии Байдена.

Видео под названием «Watch: Joe Biden Malfuntion» [14] («Смотрите: сбой в работе Джо Байдена») акцентирует внимание избирателя на абсурдных фразах Байдена и его уход от ответов. В конце яркий прием символизации: старый (отсылка к возрасту Байдена) телевизор сломался. На втором плане стоит уверенный Д. Трамп (прием «противопоставление») и посыл ведущего: «Теперь решение за вами». Видеоролик набрал 13 млн. просмотров, а соотношение лайков к дизлайкам, соответственно, 80 тыс. и 46 тыс. на момент окончания выборов.

Один из самых популярных предвыборных роликов Трампа, набравший 20 млн. просмотров, носит название «Watch: Past vs Prevent» [15] («Смотрите: прошлое против настоящего») и использует ярлык о старости и болезнях Байдена. Зрителя показывают его уверенные публичные выступления в 2015-2016 годах и, в противовес, невнятные слова на публике в 2020 году. Задаётся риторический вопрос аудитории прямо посреди видео: «What happened to Joe Biden?» («Что случилось с Джо Байденом?»). Как альтернативу Д. Байдену избирателю показывают Трампа со словами: «Главкомандующий – это больше, чем просто работа». Перечисляются достижениями Трампа в военной области и в борьбе с терроризмом. Главная идея видео в том, что «нездоровый» человек не сможет быть главкомандующим и добиться таких же успехов. Соотношение лайков и дизлайков показывает значительный перевес в пользу сторонников Трампа – 151 тыс. к 88 тыс., из чего можно сделать вывод – нейтральный электорат поддержал тезисы Трампа в этом видео. До этого наблюдался примерный паритет между кандидатами.

Дональд Трамп и его команда успешнее используют сетевые медиа: канал имел большее число подписчиков, видео Трампа набирали большее число просмотров, нежели у Байдена, а Твиттер Трампа на момент выборов был одним из самых цитируемых. Успех обусловлен отчасти и тем, в ходе предвыборной кампания Трампа на рекламу в интернет-пространстве было выделено в два раза большее количество бюджета (примерно 64 млн. долларов), нежели со стороны Байдена (32 млн. долларов) [6].

Конфликтные и провоцирующие действия Д. Трампа во время предвыборной гонки, с одной стороны определялись его архетипами – «Изгой» и «Провокатор» [9], с другой –

закрепляли их. Например, во время дебатов Трамп перебил Байдена 71 раз, в то время как Байден его – всего лишь 22 раза.

Противостоять имиджу Трампа сложно, так как его невозможно «очернить»: он изначально отрицательный, а любая атака будет перевернута или доведена до абсурда. Архетип «Изгой» дает Трампу даёт свободу совершать действия, которые недоступны его конкурентам [9].

Таким образом, видео Дональда Трампа пользовались большим успехом в интернет-пространстве ввиду большего, чем у оппонента, бюджета на интернет-рекламу. Все видеоролики обладают «кликбейтным» и агрессивным характером по отношению к оппоненту. У Д. Байдена критика стоит на втором плане и не носит основополагающего характера. Почти каждое видео Трампа затрагивает слабые места оппонента: связи с Китаем, возраст Байдена и его проблемы с речью. Каждую позицию команда Д. Трампа превратила в политические мифы: лоббизм Китая, слабоумие, двуличность. На обложках видеороликов использовались яркие и насыщенные цвета, которые подразумевают собой негативный характер и привлекают внимание.

Противоположный образ Трампу представляет Д. Байден – это архетип друга, заботливого и человечного. Критика в рекламе Байдена также присутствует, однако основные акценты его агитации ориентированы на интересы более возрастной категории населения, о чем свидетельствует и в два раза меньший бюджет на рекламу в Интернете [6], а также опора на телевидение. Характерные черты политической рекламы Джо Байдена – это обращение к чувственным началам: «Любовь», «Трагедия» и «Поддержка».

По итогам выборов стало понятно, что агрессивная политическая реклама, фундаментом которой является критика, не помогла Д. Трампу переизбраться на второй срок. Медиапродукты команды Трампа не охватывали своей содержательной частью и каналом коммуникации старшую аудиторию, например, через телевидение. Верные акценты в рамках упомянутого политического контекста и задействованные коммуникационные средства с избирателем, используемые политтехнологами Д. Байдена, принесли последнему победу на президентских выборах в США 2020 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братерский А. В. Американская предвыборная реклама: выборы 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imemo.ru/news/events/text/amerikanskaya-predvibornaya-reklama-vibori-2020> (дата обращения: 22.03.2023).

2. Власов С. Г. Традиционные манипулятивные технологии в политических кампаниях: зарубежный опыт [Электронный ресурс]. – 2020. – № 12. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-manipulyativnye-tehnologii-v-politicheskikh-kampaniyah-zarubezhnyy-opyt/viewer> (дата обращения: 22.03.2023).
3. Еремина Д. А. Выборы в США: анализ и прогнозы // СКИФ. Вопросы студенческой жизни. – 2020. – № 2. – С. 23–26.
4. Катермина В. В., Рябченко Н. А., Липириди С. Х. и др. Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в социальной сети “Twitter” в отношении президента США Д. Трампа в марте – июне 2020 г.» // Политическая лингвистика. – 2020. – № 5. – С. 87–107.
5. Расходы на выборы в США уже превысили траты на предвыборную гонку в 2016 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9781373> (дата обращения: 22.03.2023).
6. Трамп потратил рекордную сумму на интернет-рекламу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2020/09/02/donaldtrump/> (дата обращения: 22.03.2023).
7. Филиппенко А. А. Выборы в США и Канаде: общие черты и важные различия // Россия и Канада: возможности для сотрудничества: сборник научных материалов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2020. – С. 42–57.
8. Adgate B. The 2020 Elections Will Set (Another) Ad Spending Record [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/bradadgate/2019/09/03/the-2020-elections-will-set-another-ad-spending-record> (дата обращения: 22.03.2023).
9. Adt A. Трамп vs Байден – Политический брендинг на выборах в США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/173180-tramp-vs-bayden-politicheskiy-brening-na-vyborah-v-ssha> (дата обращения: 22.03.2023).
10. Biden stands up for China [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/Nv7yVCwv6NU> (дата обращения: 22.03.2023).
11. Coppock A., Hill S. J., Vavreck L. The small effect of political advertising are small regardless of context, message, sender, or receiver: Evidence from 59 real-time randomized experiments // Science Advances. – 2020. – No 36. – Pp. 2–7.
12. Manchester J. \$6.7 billion expected to be spent in 2020 campaign despite coronavirus: report [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://thehill.com/homenews/campaign/497995-67-billion-expected-to-be-spent-in-2020-campaign-despite-coronavirus-report> (дата обращения: 22.03.2023).

13. The Joe Biden They Are Hiding From You [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/qOradie8WzI> (дата обращения: 22.03.2023).
14. Watch: Joe Biden Malfunction [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/НМсvн-yURVw> (дата обращения: 22.03.2023).
15. Watch: Past vs Prevent [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/Kwhnao15rmI> (дата обращения: 22.03.2023).
16. With Joe Biden, China Is In Charge [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/Kwhnao15rmI> (дата обращения: 22.03.2023).

ФЕДОРОВ В. Г.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЧАСТОТЫ УПОМИНАНИЙ ПОНЯТИЙ «ФАШИЗМ»,
«НАЦИЗМ» И «НЕОНАЦИЗМ» В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Аннотация. В работе рассматривается частота запросов таких ключевых слов, как «фашизм», «нацизм» и «неонацизм»; поднимается вопрос о том, возможно ли искажение и обесценивание академической сущности понятий при экспоненциальном возрастании частоты упоминания в информационном пространстве. Кроме того, затрагивается проблематика корреляции уровня употребления ключевых слов с законом Годвина.

Ключевые слова: фашизм, нацизм, неонацизм, ультраправые идеологии, закон Годвина, психология масс.

FEDOROV V. G.

**FREQUENCY OF REFERENCES TO THE CONCEPTS OF FASCISM, NAZISM
AND NEO-NAZISM IN INFOMEDIA: A COMPARATIVE ANALYSIS**

Abstract. The article examines the frequency of queries for such keywords as fascism, Nazism and neo-Nazism. The author raises the question of whether it is possible to distort and devalue the academic essence of concepts with an exponential increase in the frequency of mention in infomedia. In addition, the problems of correlation of the level of use of keywords with Godwin's law are touched upon.

Keywords: fascism, Nazism, neo-Nazism, ultra-right ideologies, Godwin's law, psychology of masses.

На протяжении последних десятилетий в отечественном информационном пространстве все громче звучит тема реабилитации фашистских, нацистских, неонацистских, ксенофобских постулатов. Проблема является серьезным основанием для ее систематического анализа, так как любое нацистское или околонацистское мировоззрение – деструктивный изъян общественной системы. На уровне информационного пространства, наполненного симулякрами, параллаксами и субъективными интерпретационными кейсами, возникает вопрос правильного понимания тех явлений, которым под силу вызвать бурный коллапс общественного переустройства, аномию и рост националистического холизма.

Источником информации большинства современных людей являются медиа-ресурсы: печатные и электронные периодические издания (газеты, афиши, статьи и др.), телевещательные ресурсы, глобальная сеть Интернет (социальные сети, форумы, базы данных и т.д.). Кроме того, каждый индивид обладает уникальным опытом, нормативно-аксиологическим ориентиром, собственной оценкой, градация которых соответствует

критериям мировоззренческой картины человека. В целом, человеческие представления выстраиваются на фундаменте уже существующей системы ценностей, культуры и коммуникативной сети, что ограничивает возможности к расширенному познанию за границами конкретного общественного союза. Таким образом, создаются установочные и стереотипные видения, нацеленные на манипулирование сознанием. Репрезентация частных случаев на общую систему порождает коренные искажения. Возникшие пробелы заполняются иными формами агрессивного и деструктивного характера. С распространением Интернета исконный вариант «правдивой» информации начал теряться в общем потоке информационного шума, искажаться, интерпретироваться и выходить в массы абсолютно в искаженном виде. Информационные войны создали целые не существующие вселенные: в трактовке Ж. Бодрийера – симулякры [1]. Во всей информационной ризоме, где любые эквиполетные и градуальные связи могут создаваться из ничего и становиться оплотом экземплификации, с дальнейшим обсуждением, дискурсом, полемикой возникает проблема поиска исконных и научно обоснованных трактовок.

На данный период времени была аккумулированная обширная база научных трудов, ориентированных на изучение вопроса генерализации антигуманных идеологий, в частности, ультраправых течений, к которым относятся фашизм, нацизм и неонацизм. Поиски ответов на акт принятия массами режима Б. Муссолини и А. Гитлера нашли свое отражение в работах классиков психологической мысли, а именно, З. Фрейда [5], В. Райха [3], К. Г. Юнга, Э. Фромма. Формы социального насилия, манипулятивные приёмы управления толпой, которые использовали ультраправые идеологии как первооснову своей философии, были описаны Г. Лебоном, В. Троттером, Л. Мартином, Р. Линтоном и др. Сущность тоталитарного режима нацистов интересовала Ф. Хайека, Х. Арндт, Х. Ортегу-и-Гассета [2]. Анализ виртуальной реальности, символических и нарративных искажений, транскомуникативных сетей выражен в работах Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Ж. Бодрийера [1], С. Жижека и др.

Данное исследование строится на основе сравнительного анализа объема употребления таких ключевых слов, как «фашизм», «нацизм», «неонацизм» в крупных отечественных электронных изданиях, а также популярности запросов в сети Интернет. Гипотеза исследования опирается на следующий тезис: частота употребляемых ключевых слов искажает и обесценивает академическую трактовку понятий, в результате чего слова «нацизм», «фашизм», «неонацизм», «нацист», «фашист» превратились больше в завуалированное ругательство, так как укоренившиеся в сознании человека зверства нацистов (Холокост, геноцид, антигуманизм) воспринимаются конструктом беспрецедентного «абсолютного зла».

В современном информационном пространстве можно наблюдать некорректное сравнение любых диктатур, военных хунт и автократий (а иногда и конституционно-правовых демократических режимов) с политикой Третьего Рейха. Такое отношение человека связано в первую очередь с особенностью психики: перцепция функционирует на основе уже имеющегося опыта. В результате у человека отсутствует мотивации фиксировать обновленный эмпирический материал, так как есть устоявшийся, соответствующий человеческой картине мира конструкт представлений. Здесь уместно упомянуть закон Годвина, сформулированный программистом М. Годвином в 1991 году и гласивший следующее: «По мере разрастания дискуссии вероятность употребления сравнения с нацизмом или Гитлером стремится к единице» [7].

Динамика средств транскомуникации, которая привела к глобальной и мгновенной передаче массивов разнородной информации, стала причиной рассеяния черт сущности ультраправых идеологии. Одни элементы подчеркивались очень ярко, иные, не представляющие интереса, упоминались гораздо реже, а некоторые вовсе не привлекали внимания массового потребителя. Через значительный промежуток времени складывался образ ультраправых, базированный не на фактологии, а на эмоциях, категоризации и на усвоенном информационном шуме, который воспринимается как пережитый лично социальный опыт, хотя самом деле – услышанный и зафиксированный в памяти от третьих лиц. Человек, окруженный потоками информационных волн, сталкивается с нагромождением мыслительных конструкций, от которого сознание стремится избавиться, в связи с чем подключается бессознательный механизм фильтрации. Фильтрация информации искажает исходный вариант, гипертрофирует до неузнаваемости, на выходе получается расщепленная картина. Индивид впадает в фрустрацию, атрибутирует информацию, достраивает по своему представлению исходный вариант образа, который никак не мог иметь подлинник. Если человек не способен достроить его самостоятельно, ему в этом помогает сторонние информационные шумы: окружение, газеты, телевизор, глобальные сети и многое другое.

Исходя из этого мы получаем примитивное, эмоциональное и искаженное видение самого страшного и опасного явления прошлого столетия в сознании масс. На практике данная гипотеза подтверждается законом Годвина. В 2005 г. англоязычный новостной ресурс «Slashdot» отметил действие данного закона в споре между финно-американским программистом Л. Торвальдсом и разработчиками GNOME [8]. Еще одним прогремевшим случаем подтверждающим закон Годвина была дискуссия, произошедшая в Твиттере 12 августа 2019 года: полемика дошла до того, что пользователь @DownTwist вынес «обвинительный приговор» самому М. Годвину и сравнил его с фигурой А. Гитлера [6].

Перейдем непосредственно к анализу крупных электронных изданий РФ. В качестве таковых были выбраны «Известия», «РИА Новости», «РТ», «Лента.ру», «Русская Газета», «Коммерсантъ» и «Ведомости». В этих СМИ в рамках убеждающей коммуникации используются понятия «нацизм», «фашизм», «неонацизм» и др. В целом, можно выделить 4 группы по упоминанию тех или иных формулировок: а) первая группа ссылается в своих речах на «фашизм»; б) вторая группа преимущественно опирается на «нацизм»; в) третья группа акцентирует внимание на «неонацизм»; г) четвертая группа способна употреблять ключевые слова рядом, смешивать категориально непохожие понятия, что провоцирует утрату отличительных черт, размывание границ между понятиями, когнитивный диссонанс в массовом сознании (реципиентов информации).

В таблице 1 собрана частота упоминаний в электронных СМИ терминов «фашизм», «нацизм», «неонацизм» за все время допустимой прослеживаемой динамики. В таблице 2 представлена частота упоминаний в электронных СМИ ключевых слов за последний год (01.02.2022–01.02.2023 гг.). Также в таблицы были включены такие второстепенные, но тесно связанные понятия, как «ксенофобия» и «расизм».

Таблица 1

Частота (ν) упоминаний ключевых слов в материалах электронных СМИ (за все время)

СМИ	Частота (ν) упоминаний в материалах электронных СМИ по ключевым словам				
	фашизм	нацизм	неонацизм	ксенофобия	расизм
Известия	1894	2257	336	711	1545
РИА Новости	7827	6139	1241	2829	5057
РТ	≤ 300	≤ 300	258	≤ 300	≤ 300
Лента.ру	1617	1746	235	101	2502
Русская Газета	3801	2715	481	1151	1622
Коммерсантъ	≤ 1000	≤ 1000	262	≤ 1000	≤ 1000
Ведомости	412	486	58	434	390

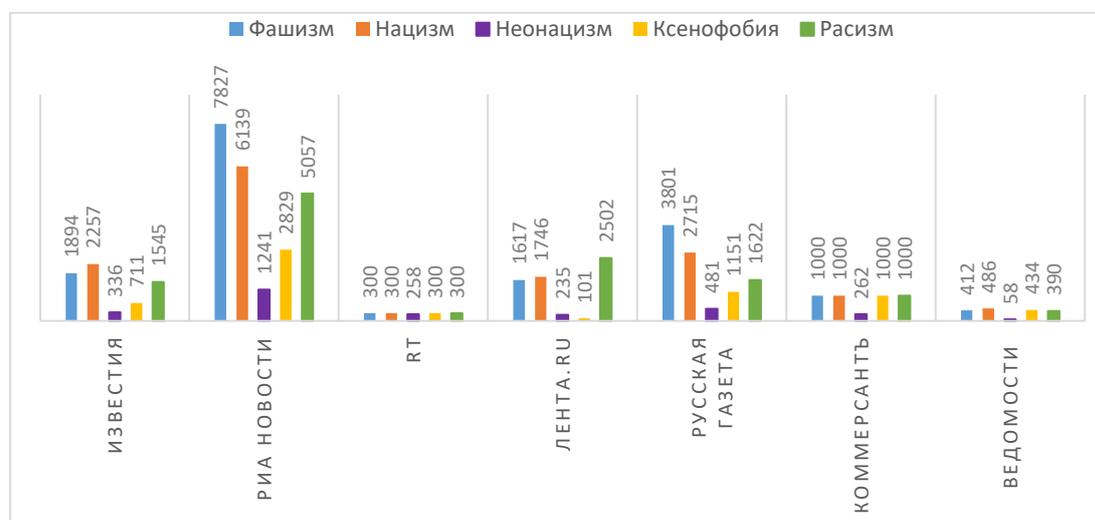

Рис. 1. Частота (ν) упоминаний ключевых слов в материалах электронных СМИ (за все время).

**Частота (v) упоминаний ключевых слов
в материалах электронных СМИ за год (01.02.2022–01.02.2023 гг.)**

СМИ	Частота (v) упоминаний в материалах электронных СМИ по ключевым словам				
	фашизм	нацизм	неонацизм	ксенофобия	расизм
Известия	250	589	158	53	169
РИА Новости	671	1121	358	137	368
РТ	235	268	90	25	166
Лента.ru	157	353	85	5	190
Русская Газета	379	528	176	64	165
Коммерсантъ	184	320	47	31	91
Ведомости	35	85	26	14	45

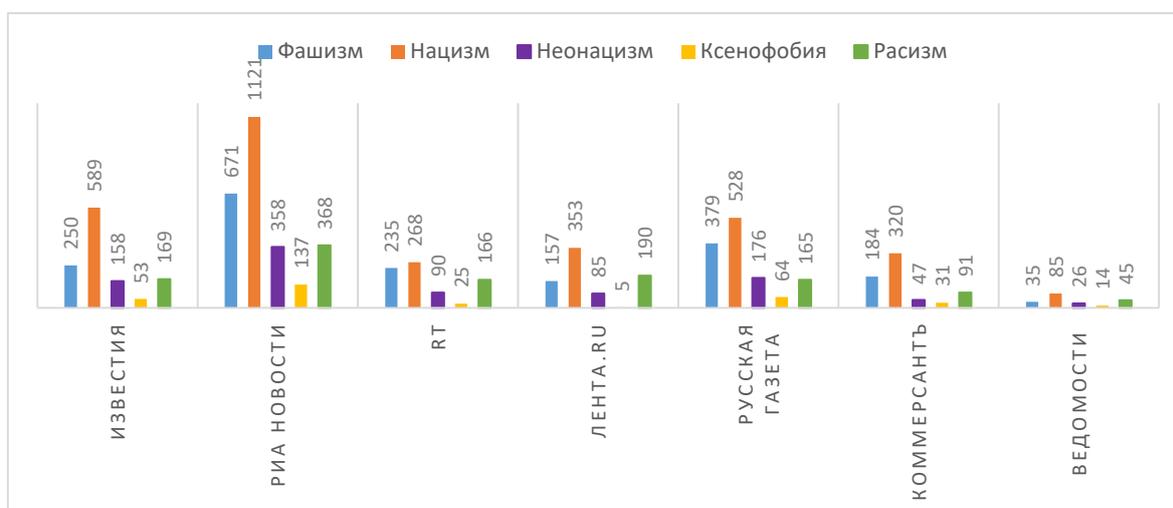

Рис. 2. Частота (v) упоминаний ключевых слов в материалах электронных СМИ
(01.02.2022–01.02.2023 гг.).

На фундаменте результатов, показанных на рис. 1, можно сформировать иерархию частоты упоминаний, где I – наибольшее количество упоминаний, а соответственно V – наименьшее количество упоминаний:

I. Фашизм; II. Нацизм; III. Расизм; IV. Ксенофобия; V. Неонацизм.

По аналогии с предыдущим примером отобразим иерархию частоты упоминаний, исходя из полученных данных диаграммы 2.

I. Нацизм; II. Фашизм; III. Расизм; IV. Неонацизм; V. Ксенофобия.

Таким образом, за ближайший год федеральные информационные ресурсы стали намного чаще использовать в своих материалах слово «нацизм», тогда как «фашизм» ушло на второе место. Также СМИ за предыдущий год стали уделять внимание больше «неонацизму», однако уровень упоминаний данного термина не превысил уровень «расизма». «Ксенофобия» опустилась с четвертого пункта до пятого.

Далее будет целесообразным рассмотреть уровень частоты поисковых запросов ключевых слов в сети Интернет среди жителей Российской Федерации. В качестве

основополагающего поискового сайта была выбрана платформа «Google». С помощью опции «Google Trends» возможно сравнивать между собой задаваемые поисковые индикаторы, отслеживать динамику их популярности: уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю в таблице для определенного региона и периода времени. 100 баллов означают наивысший уровень популярности запроса, 50 – уровень популярности запроса, вдвое меньший по сравнению с первым случаем. 0 баллов означает местоположение, по которому недостаточно данных о рассматриваемом запросе.

Индикаторами запроса для сравнения выступили ключевые слова: «фашизм», «нацизм», «неонацизм», «ксенофобия» и «расизм». Дополнительными, но значимыми основаниями сравнения выступили такие параметры как: страна, датировка охвата поиска, категория охвата поиска и форма поиска. В нашем случае: а) страна – РФ; б) датировка охвата поиска – за 12 месяцев; в) категория охвата поиска – все категории; г) форма поиска: веб-сайт (веб-поиск).

В ходе обработки сравнительных данных был сконфигурирован следующий график (рис. 3):

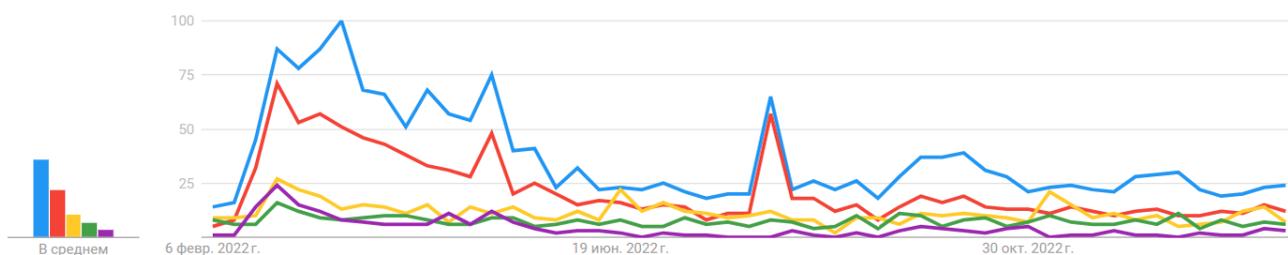

Рис. 3. График зависимости частоты поисковых запросов в темпоральной динамике (01.02.2022–01.02.2023 гг.).

Самым распространенным запросом на протяжении всего годового цикла у посетителей сети Интернет оставалось ключевое слово «фашизм», второе место занял «нацизм», третье – «ксенофобия», четвертое – «расизм» и пятое – «неонацизм». «Неонацизм» на момент февраля 2022 г. поднялся в частоте поисковых запросов на четвертое место, но в дальнейшей временной динамике опустился обратно на пятое место.

Кроме того, по каждому из ключевых слов есть «топ» схожих запросов. Для «топа» используется стобалльная шкала, где 100 – самые популярные темы, 50 – темы, которые ищут в два раза реже, чем самые популярные, и так далее.

– топ похожих запросов, связанных с «фашизмом»: 1. фашизм на Украине; 2. фашизм это простыми словами; 3. либералы; 4. Ильин; 5. Бандера; 6. нацизм значение; 7. современный фашизм; 8. фашизм 14 признаков; 9. необыкновенный фашизм; 10. 14 признаков фашизма.

– топ похожих запросов, связанных с «нацизмом»: 1. *нацизм на Украине*; 2. *Бандера*; 3. *демократия*; 4. *нацизм это значение*; 5. *Азов*; 6. *либералы это*; 7. *демократия это*; 8. *фашист*; 9. *Бандера это*; 10. *нацизм синоним*.

– топ похожих запросов, связанных с «неонацизмом»: 1. *неонацизм на Украине*; 2. *Азов*; 3. *что такое нацизм*; 4. *Бандера*; 5. *нацист это*; 6. *что такое неонацизм*; 7. *нацизм* [4].

Полученные данные можно интерпретировать с позиции того, что заинтересованных пользователей волнует сущностные и объяснительные аспекты, поэтому некоторые запросы звучат в виде вопросов «что это такое?», т.е. определяют значение явления, сравнение с другим явлением. Наименьшим распространением отличается термин «неонацизм». Аналогичная картина отношения к «неонацизму» отражена у федеральных СМИ, где ключевое слово пользуется низкой частотой упоминания. В связи с этим можно сделать вывод, что «неонацизм» мало кем точно воспринимаемое явление, которое стараются очень редко использовать в своих колонках или в целом не упоминать его.

На графике пятилетней динамики запросов в России видно, что наибольшей пик упоминания ключевых слов «нацизм» и «фашизм» пришел на 2022 год, что непосредственно связано с началом 24 февраля специальной военной операции. Неудивительно, что топ всех запросов открывают такие формулировки, как «фашизм на Украине», «нацизм на Украине» и «неонацизм на Украине». Подобные формулировки реципиенты восприняли из федеральных СМИ, но в условиях возникшей фрустрации и нехватки информации, стремясь самостоятельно достроить кусочки образа в своем сознании, люди, несомненно обращались к поиску данных в глобальной сети.

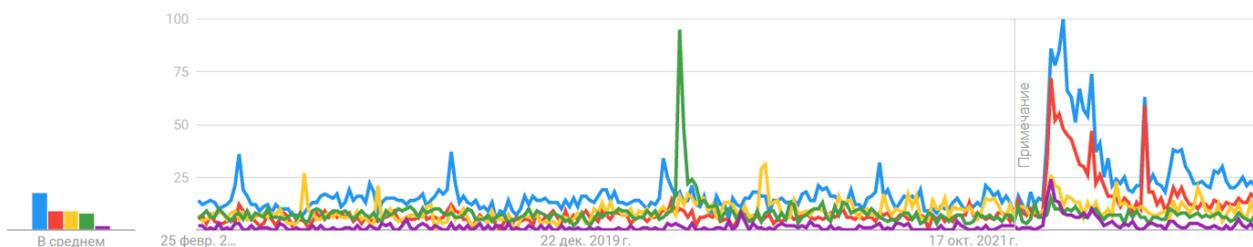

Рис. 4. График зависимости частоты поисковых запросов в темпоральной динамике (01.02.2018–01.02.2023 гг.).

В завершении требуется обобщить, что за последнее время интерес федеральных СМИ и рядовых пользователей сети Интернет к пониманию сущности фашизма, нацизма и неонацизма возрос, что нашло отражение в проведенном комплексном сравнительном

анализе. Однако не каждый человек склонен к подробному и глубокому анализу ультраправых идеологических течений и в большей степени принимает полученную информацию как единственно верную. Здесь уже закон Годвина будет функционировать не в рамках локального спора, а между индивидом и массами, между альтернативной точкой зрения и общепринятым фактом, между индивидуализацией (рационально обоснованной позицией) и коллективизмом (эмоционально преждевременным видением), в рамках которого границы допустимых сравнений могут быть стерты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание Масс. – М.: АСТ, 2001. – 509 с.
3. Райх В. Психология масс и фашизм. – М.: АСТ, 1997. – 379 с.
4. Сравнение индикаторов: фашизм, нацизм, неонацизм, расизм, ксенофобия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.google.com/trends> (дата обращения 02.02.2023).
5. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – М.: АСТ, 2018. – 320 с.
6. Godwin M. About comparing to Hitler [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20211007091837/https://twitter.com/sfmnemonic/status/1160921698142760961> (дата обращения 21.01.2023).
7. Godwin M. As a Usenet discussion grows longer, the probability of a comparison involving Nazis or Hitler approaches one [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://groups.google.com/group/rec.arts.sf-lovers/msg/84426456ad1724f2> (дата обращения 01.02.2023).
8. Godwin's Law Invoked in Linus/Gnome Spat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tech.slashdot.org/story/07/02/17/0219225/godwins-law-invoked-in-linusgnome-spat> (дата обращения 20.01.2023).

СУДАРЕВ А. А., МАЛЬЧЕНКОВ С. А.

**ЦИФРОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА НАРОДОВЛАСТИЯ:
ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ**

Аннотация. В статье проанализированы основные подходы к трактовке цифровой демократии, сложившиеся в отечественной и зарубежной науке, а также выявлены правовые основы становления и существования цифровой демократии в РФ. Авторы делают выводы о преимуществах и недостатках цифровой демократии и о перспективах применения ее принципов в обозримом будущем.

Ключевые слова: цифровая демократия, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, народовластие, выборы, электронное голосование.

SUDAREV A. A., MALCHENKOV S. A.

**DIGITAL DEMOCRACY AS A NEW FORM OF PUBLIC POWER:
BENEFITS AND CHALLENGES**

Abstract. The article analyzes the main approaches to the interpretation of digital democracy that have developed in domestic and foreign science. It also identifies the legal foundations for the formation and existence of digital democracy in the Russian Federation. The authors draw conclusions about the advantages and disadvantages of digital democracy and about the prospects for applying its principles in the future.

Keywords: digital democracy, digitalization, information and communication technologies, public power, elections, electronic voting.

Развитие цифровых технологий в значительной степени определяет вектор формирования всего общества. На цифровые технологии возлагают очень большие надежды, в том числе строят планы полной трансформации общества, формирования цифровой реальности, замещающей настоящую. Подобные прогнозы формулируются и в отношении политической системы общества. Интернет-технологии рассматриваются как фундамент для революционных изменений в политической сфере, истинно демократических перемен в сфере публичной власти, или, как минимум, как технологический способ решения ныне существующих проблем взаимодействия граждан с органами публичной власти. Однако эйфория по поводу роли цифровых технологий в процессе развития демократии постепенно начинает ослабевать, и тому есть немало причин. Помимо того, что эффективность цифровых инструментов в демократических процессах весьма спорна, тотальная трансформация традиционных форм демократии несет в себе опасность становления цифрового авторитаризма.

Фактор цифровизации в политике стал объектом исследования многих ученых. Различные аспекты интеграции цифровых практик в структуру конституционного права раскрывает С. А. Авакьян [2]. Соотношение электронной и традиционной демократии изучено в работах Р. М. Дзидзоева [5], А. С. Лолаевой [9], Е. Ю. Киреевой [8], В. А. Осинюк [11]. О недостатках цифровой демократии и угрозах цифровой диктатуры пишут такие авторы, как О. Ю. Власова [3], С. Ю. Волков и А. С. Кондратьев [4]. В зарубежной научной литературе наиболее известны классические труды М. Кастельса о роли Интернета в жизни общества [7]. Новейшие тенденции развития цифровой демократии за рубежом отражены в публикациях Я. ван Дейка [17], С. Бушера [15] и К. Пейриса [16].

В настоящее время в отечественной и иностранной научной литературе сложились широкое и узкое понимание электронной демократии. В узком смысле под цифровой демократией понимается облачение в цифровую форму традиционных средств демократического участия граждан в жизни государства и осуществлении народной власти, т.е. исключительно электронные референдумы и выборы [9, с. 25].

Более широкий подход предлагает включать в понятие электронной демократии все формы взаимодействия граждан с публичной властью, облаченные в цифровую форму. Так, например, помимо традиционных форм участия граждан в жизни государства (референдумы, свободные выборы), некоторые авторы вкладывают в понятие цифровой демократии также электронные опросы граждан, предоставление электронных государственных услуг, электронные петиции, электронные консультации, электронные ходатайства, электронное правосудие, электронное взаимодействие граждан с местным самоуправлением на уровне системы «умного города» и т.д. [9, с. 24]. Однако существует также позиция, согласно которой все вышеописанное следует относить к понятию более широкому, чем цифровая демократия, а именно – электронное участие. Это предполагает оставить за понятием цифровой демократии лишь вопросы отношений граждан с правительством и политическими представителями и вынести за рамки остальные формы контакта граждан с публичной властью (местными администрациями и др.) [17, с. 56].

В рамках указанных подходов существуют два противоположных понимания того, в чем именно будет состоять становление цифровой демократии. Сторонники первого подхода считают, что конституционное право, стоящее на защите демократических ценностей и институтов, должно подчинять себе цифровые достижения и обращать их на благо служения народа, а не наоборот [2, с. 25]. Развертывание электронной демократии должно ограничиваться лишь модернизацией традиционных инструментов народовластия с целью повышения удобства взаимодействия граждан и публичной власти. Это предполагает создание

возможности электронного голосования на выборах, подачу онлайн-петиций, беспрепятственную реализацию электронного документооборота и т.д.

Главный недостаток указанного подхода состоит в том, что он предполагает модернизацию инструментов непосредственной демократии, и никак не влияет на демократию представительную, на которой и строится народовластие в большинстве государств. Кроме того, даже простая трансформация форм непосредственного народовластия некоторым исследователям кажется неэффективной, поскольку виртуальное пространство плохо справляется с тем, чтобы заменить личное взаимодействие граждан с властью [2, с. 27].

Второй подход его сторонники видят следующим этапом становления цифровой демократии, а именно как качественное изменение структуры органов государственной власти и характера осуществления власти граждан путем замены существующих демократических институтов и переходом к прямой демократии. Основными инструментами реализации такого непосредственного народовластия должны стать электронные средства реализации непосредственного волеизъявления граждан по всем политическим вопросам, в том числе и принятия законопроектов. Некоторые авторы проводят прямые параллели с прямой демократией, реализуемой в древнегреческих полисах [9, с. 25]. Особо радикальные позиции предполагают формирование нового цифрового гражданского общества, параллельного или замещающего существующее [2, с. 25]. Такие изменения помимо внедрения инструментов электронного голосования предполагают формирование электронного правительства, электронного парламента и даже цифровой конституции и цифрового конституционного права [5, с. 20].

Основной вопрос в том, ограничится ли электронная демократия лишь «обертыванием» классических демократических институтов в цифровую форму или же этот процесс предполагает качественные изменения в структуре органов государственной власти. Коснутся ли перемены лишь процедуры или самой сути демократии? Представляется, что именно выбор одного из приведенных выше подходов в дальнейшем предопределил основные траектории развития цифровой демократии как в мире в целом, так и в нашей стране.

Ключевым документом, определяющим вектор развития цифровой демократии в России, является Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». Данный Указ формирует основные понятия, связанные со становлением информационного общества: инфраструктура электронного правительства, общество знаний, технологически независимые программное обеспечение и т.д. Примечательно, что одними из задач применения информационных и коммуникационных технологий для развития системы государственного управления взаимодействия граждан и государства рассматриваемый акт выделяет, в частности: совершенствование механизмов электронной демократии; применение

в органах государственной власти Российской Федерации новых технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления; развитие технологий электронного взаимодействия граждан, организаций, государственных органов, органов местного самоуправления наряду с сохранением возможности взаимодействия граждан с указанными организациями и органами без применения информационных технологий [12].

Анализ указанных положений позволяет прийти к нескольким выводам. В российском правовом порядке утвердился узкий подход к определению цифровой демократии, поскольку задачи по совершенствованию электронной демократии намеренно отделены от улучшения иных форм взаимодействия граждан с государством. Но главное положение заключается в том, что разработчики нормативно-правовой базы целенаправленно выделяют необходимость сохранения традиционных (нецифровых) форм демократического участия. Гражданин должен предоставляться выбор, пользоваться ли ему новыми электронными средствами взаимодействия с государством или нет. Это подтверждают и следующие указанные в Указе принципы: обеспечение свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией; сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг [12].

Рассмотренные выше положения Указа Президента развиваются и дополняются также и другими законодательными актами. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает правовые основы электронного голосования граждан на выборах. В частности, вводятся понятия дистанционного электронного голосования и электронного бюллетеня. Гражданин предоставляется возможность проголосовать с использованием электронных средств как очно (с помощью комплексов для электронного голосования), так и дистанционно, с использованием ГАС «Выборы» и иных государственных систем [13]. Данная автоматизированная информационная система, реализующая информационные процессы, используется при подготовке и проведении референдумов и выборов всех уровней – к примеру, выборов в Государственную Думу и выборов Президента РФ. В 2020 году возможность электронного голосования была также закреплена Законом РФ о поправке к Конституции РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [6].

Кроме того, российским законодательством устанавливаются основы и гарантии электронного документооборота при сохранении традиционных способов. В частности, закрепляется обязанность органов государственной власти предоставлять по выбору граждан и организаций информацию в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью [14].

Исходя из анализа рассмотренных выше положений российского законодательства, можно сделать вывод о том, что основным и единственным вектором развития электронной демократии и цифрового общества в РФ является модернизация традиционных форм народовластия, но не коренные изменения в институте демократии как таковом. Действительно, российские законы формируют обширный фундамент для цифровизации выборного процесса и иных форм взаимодействия граждан с публичной властью, но механизмы перехода к прямой демократии путем внедрения цифровых средств законодателем не рассматриваются.

Основная идея цифровой демократии заключается в изменении демократических институтов с той целью, чтобы улучшить качество взаимодействия и сократить разрыв между гражданами и публичной властью, увеличить прозрачность действия государственных органов, повысить вовлеченность граждан в политический процесс и законотворческую деятельность, а также улучшить качество реализации демократических ценностей [9, с. 26]. Внедрение института электронного голосования должно расширить доступ к процессу голосования для миллионов потенциальных избирателей. Более высокая активность избирателей обеспечит большую легитимность избирательного процесса и поможет обратить вспять тенденцию к оттоку избирателей [16, с. 131].

Однако цифровизация активности гражданского общества и демократических процессов несет в себе и потенциальную угрозу. Повсеместное внедрение цифровых инструментов может быть направлено не на становление цифровой демократии, а на укрепление авторитарных политических режимов, формируя так называемый цифровой авторитаризм [2, с. 27; 11, с. 87]. Зафиксированы случаи, когда наблюдатели на выборах замечали расхождения в количестве голосов из первоначальных протоколов с итогами голосования в системе ГАС «Выборы» [3, с. 6]. При этом доказать нарушения с расширением цифровизации становится все труднее, поскольку отследить незаконные действия в сети практически невозможно. Технологические пути решения этой проблемы, построенные на основе механизмов блокчейна, существуют, однако они еще не до конца развиты, а для реализации такой системы в РФ нужно немало времени и затрат.

При этом угроза того, что при переходе к электронному голосованию контроль наблюдателей за подсчетом голосов будет утрачен, едва ли является главным опасением граждан, негативно относящихся к перспективам цифровизации выборов. Гораздо больше их тревожит деанонимизация их электоральных предпочтений, поскольку в случае утечки информации данные о том, как и за кого они голосовали, будут доступны не только властям, но и совершенно посторонним лицам. О. Ю. Волков и А. С. Кондратьев полагают, что такие опасения базируются на имеющемся негативном опыте: на форумах и чатах предлагается

несанкционированный платный доступ к базам данных таких электронных систем, как «Социальный мониторинг», «Безопасный город» и т.д. [4, с. 5].

Другим немаловажным фактором является переоцененность цифровых и сетевых технологий в контексте демократизации взаимодействия граждан и публичной власти. Надежды, возложенные на электронные технологии для повышения уровня гражданского участия, не оправдались. Впервые это отмечал М. Кастельс в своем масштабном исследовании, посвященном влиянию информационных технологий на жизнь общества: степень гражданского участия у людей, использующих Интернет, была не ниже и не выше, чем у других людей [7, с. 147]. Это подтверждается и реальной практикой электронного народовластия в странах Европы. Значительное влияние на активизацию взаимодействия граждан и публичной власти и повышение уровня электорального участия цифровые технологии оказали лишь на местных, муниципальных уровнях некоторых стран [15, с. 11].

России свойственны те же проблемы. Низкая вовлеченность граждан в избирательный процесс не решается внедрением цифровых институтов голосования, поскольку это институциональная проблема, и пути ее решения лежат за пределами цифровой демократии. Цифровые технологии создают возможности для повышения гражданского участия, но не прививают людям политическую культуру [8, с. 31]. Даже с введением цифровых избирательных участков, открывающих возможности для дистанционного голосования, явка избирателей принципиальным образом не изменилась [2, с. 25]. Официальная статистика по Электронному правительству также говорит о зачаточном состоянии реализации информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) для становления цифровой демократии. К примеру, в 2021 году доля органов государственной власти и местного самоуправления, использовавших различные ИКТ, варьируется от 20,3 до 70,1 % [10].

Кроме того, существуют сложности и с развертыванием инструментов цифровой демократии. Электронные системы являются отличным инструментом для упрощения процесса голосования гражданам из отдаленных и труднодоступных населенных пунктов. Однако Россия не входит в число лидеров по доступности информационно-компьютерных технологий для граждан. Так, по состоянию на 2017 год, РФ занимает 45-е место (из 176) в Индексе развития ИКТ (ICT Development Index, IDI), составляемом Международным союзом электросвязи [1]. По данным Росстата, удельный вес телефонизированных населенных пунктов в общем числе сельских населенных пунктов на 2021 год составляет 77,7% [10]. То есть, как минимум 22,3% сельских населенных пунктов в России не являются телефонизированными. Подводя итог, отметим, что у России есть большой потенциал в развитии ИКТ, поскольку она обладает динамично развивающимся рынком электросвязи, однако на текущий момент этого недостаточно, чтобы говорить о развитом институте

цифровой демократии в нашей стране. Не вызывает сомнений, что для его дальнейшего прогресса крайне важна разработка новых правовых норм, однако же без укрепления технической инфраструктуры их применение на практике едва ли будет возможным.

Таким образом, цифровая демократия является довольно противоречивым институтом. С одной стороны, она несет в себе большой потенциал для укрепления демократии в целом, для улучшения реализации и защиты основных прав и свобод человека и гражданина, повышения уровня гражданского самосознания и политического участия в управлении делами государства. С другой стороны, достаточно легко, поддавшись эйфории, возложить слишком большие надежды на первых этапах формирования цифровой демократии, что может привести не только к замедлению процесса цифровизации народовластия, но и к абсолютно противоположным результатам, таким как прямое нарушение конституционных прав граждан.

На данном этапе цифровая демократия в России, как и в большинстве стран мира, находится в начале своего пути. Законодательное регулирование этого вопроса ограничивается лишь установлением общих рамок и направлений развития цифровой демократии, а электронные средства реализации народовластия нуждаются в существенной доработке. Именно поэтому на данном этапе очень важно подойти к данному вопросу со всей внимательностью и осторожностью, не забывая при этом о защите и развитии традиционных средств народовластия. Идеи о полном переходе к прямой демократии слишком амбициозны и далеки от текущей реальности, чтобы строить долгосрочные планы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 2017 Global ICT Development Index // International Telecommunication Union [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html> (дата обращения: 12.03.2023).
2. Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7. – С. 23–28.
3. Власова О. Ю. Цифровой авторитаризм и электронная демократия: содержание и границы // Studia Humanitatis. – 2020. – № 3. – С. 1–24.
4. Волков С. Ю., Кондратьев А. С. Формирование цифровой диктатуры как актуальная общественно-политическая проблема [Электронный ресурс] // Огарев-online. – 2022. – № 6. – Режим доступа: <https://journal.mrsu.ru/arts/formirovanie-cifrovoj-diktatury-kak-aktualnaya-obshhestvenno-politicheskaya-problema> (дата обращения: 10.03.2023).
5. Дзидзоев Р. М., Лолаева А. С. Цифровое конституционное право: к постановке вопроса // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 6. – С. 17–20.

6. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 15.03.2023).
7. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – М.: У-Фактория, 2004. – 328 с.
8. Киреева Е. Ю. Цифровая демократия: мифы и реальность // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7. – С. 29–32.
9. Лолаева А. С. Цифровая (электронная) и традиционная демократия: вопросы соотношения // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 4. – С. 23–26.
10. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 12.03.2023).
11. Осинюк В. А. Концепция развития электронной демократии в современной России: особенности и перспективы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2022. – № 1. – С. 84–90.
12. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 14.03.2023).
13. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 14.03.2023).
14. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 14.03.2023).
15. Boucher S., Butler I., de Groot M., Lironi E., Russack S., Stratulat C., Youngs R., Zacharzewski A. Strengthening Digital Democracy // Six Ideas for Rejuvenating European Democracy. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2019. – 25 p.
16. Peiris K, Gunathilake G., Attanayaka J., Pankoon I., Chandrasiri S., Wijendra D. Digital Democracy: A Secure Platform for Voting // 2nd International Informatics and Software Engineering Conference (IISEC). – Ankara, 2021. – Pp. 131–134.
17. Van Dijk J. Digital democracy: Vision and reality // Innovation and the Public Sector. – 2012. – No. 19. – Pp. 49–62.